

ЕВГЕНИЙ АНТАШКЕВИЧ

Т Р И Л О Г И Я

ХАРБИН

Путь

FICTIION

Харбин

ЕВГЕНИЙ АНТАШКЕВИЧ

Харбин. Книга 1. Путь

«Центрполиграф»

2012

Анташкевич Е. М.

Харбин. Книга 1. Путь / Е. М. Анташкевич — «Центрполиграф», 2012 — (Харбин)

Прошедший Первую мировую русский офицер, разведчик-агентурист полковник барон фон Адельберг через охваченную огнем Гражданской войны Россию пробирается в Харбин, к жене и сыну. Каждый день пути – в эшелоне с легендарным колчаковским золотом, на санях забайкальского казака, пешком по льду замерзшей Ангары, в повозке китайских контрабандистов – может оказаться последним, но Адельберг упорно идет на восток. К спасению. К семье. Домой. И кто знал, что уникальный русский город, казавшийся издалека очагом мира и спокойствия, превратился в эпицентр русской смуты и жесточайшего противоборства разведок крупнейших мировых держав...

© Анташкевич Е. М., 2012

© Центрполиграф, 2012

Содержание

От автора	7
Часть первая	13
Глава 1	13
Глава 2	22
Глава 3	29
Глава 4	30
Глава 5	36
Глава 6	40
Глава 7	47
Глава 8	50
Глава 9	52
Глава 10	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Евгений Анташкевич

Харбин. Книга 1. Путь

© Анташкевич Е.М., 2014

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

© Художественное оформление,

ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

* * *

*Автор выражает благодарность Наталье Владимировне Невской,
Оксане Николаевне Железняк и Анатолию Геннадьевичу Петрову*

Роман Евгения Анташкевича «Харбин» напоминает эпопеи великих мастеров, написанные на ту же самую тему – жизнь человека в условиях войны. Читая книгу, невольно вспоминаешь и «Тихий Дон», и «Войну и мир».

Книжное обозрение

В каком-то смысле это продолжение глобальной евразийской драмы, потому что огромная часть русской белой эмиграции двигалась через Харбин. Большая часть тех сюжетных историй, которые только намечались в эпоху Русско-японской войны, здесь получила трагическое развитие и разрешение. Написал эту нетривиальную книжку человек, который сам этот крестный путь прошел. . . .

Сергей Соловьев, режиссер

Сегодня, когда под видом исторического романа читателю то и дело норовят подсунуть «развесистую клюкву», а исторически правдивые произведения практически невозможно читать в силу их литературной беспомощности, книга производит сильное, а с учетом того, что это дебютный роман, – и вовсе ошеломляющее впечатление.

Литературная газета

Трагическая историческая правда соседствует в книге с признаками высококачественной остросюжетной литературы, в едином тексте психологический роман словно борется с боевиком – и побеждает. Ничего крамольного, вроде отходов от традиций русской классики, в этом нет.

Литис

* * *

*Я думала, Россия – это книжки.
Всё то, что мы учили наизусть.
А также борщи, блины, пирог, коврижки
И тихих песен ласковая грусть.
И купола. И тёмные иконы.
И светлой Пасхи колокольный звон.
И эти потускневшие погоны,*

*Что мой отец припрятал у икон.
Всё дальше в быль, в туман со стариками.
Под стук часов и траурных колёс.
Россия – вздох.
Россия – в горле камень.
Россия – горечь безутешных слёз.*

Харбинская поэтесса Ларисса Андерсон

Если укреплять своё сердце решимостью каждое утро и каждый вечер, человек сможет жить так, словно тело его уже принадлежит Вечности, Путь будет для него свободен.

Ямамото Цунэтомо (Кодекс Бусидо)

*...Так души смотрят с высоты
На ими брошенное тело!..*

Ф.И. Тютчев

От автора

Под стук часов и траурных колес.

Россия – вздох.

Россия – в горле камень.

Россия – горечь безутешных слез.

Изложенное в романе «Харбин», который в большей степени похож на легенду-биографию, основывается на реальных событиях, которые происходили начиная с конца XIX и практически до конца XX века в Маньчжурии и в России.

Легенда-биография – это специфический термин специальных служб, который обозначает совокупность сведений о человеке или людях, выполняющих секретное задание непосредственно в стране противника. Легенда-биография включает в себя правдивые сведения о человеке, а также специально составленные, для того чтобы противник ничего не заподозрил.

В легенде-биографии «Харбин» придуманными являются лишь некоторые персонажи, но и то не полностью, поскольку в их историях использованы фрагменты жизни многих реальных людей, описавших события тех лет в мемуарах; а также тех – и это сделано с их ведома и согласия, – кто родился и вырос в Маньчжурии, в Харбине и ныне здравствует в Москве, в России и не только.

* * *

Степан Фёдорович Соловьёв поднялся на ступеньки и протянул прапорщику паспорт. Стоявший на расслабленных ногах прапорщик взял его, порылся в бумажках на столе, потом зацепился взглядом за широкую, в две ладони, орденскую колодку Соловьёва и распрямился:

– Проходите, пожалуйста! – Он козырнул. – А что в такую рань, товарищ полковник, не спится?

– Бывший полковник... Знаете ли, старая привычка, я уже много лет подряд рано встаю... И акклиматизация... семь часов разница во времени...

– А бывших у нас не бывает, товарищ полковник! А по поводу акклиматизации... – сказал прапорщик и заулыбался, – конечно, знаю, сам летал, а потом мучился!..

Степан Фёдорович посмотрел на него, поблагодарил и пошёл через большой холл налево к лифту: «Разговорчивый! Застоялся! Небось за всю ночь ни с кем словом не перекинулся!»

Вчера вечером полковник Соловьёв прилетел из Москвы по приглашению Совета ветеранов на празднование семидесятилетия Хабаровского краевого управления КГБ. У самого трапа его торжественно, с цветами встретили молодые сотрудники. В гостиничном номере, куда его привезли из аэропорта, Степан Фёдорович только-только успел разложить немногочисленные вещи и ополоснуть лицо, как зазвонил телефон.

«Литерный, что ли? – Он усмехнулся. – Да нет! Меня-то чего слушать, тем более одного?»

Он снял трубку:

– Алло!

– Степан Фёдорович, извините за беспокойство, я подумал, что минут пятнадцати – двадцати вам хватит, чтобы распаковаться и привести себя в порядок. Вы потом могли уйти в город, вы же местный, хабаровский, поэтому я решился вас побеспокоить! – Голос в трубке был молодой и очень громкий.

– Хорошо, хорошо, – Степан Фёдорович немного отодвинул трубку от уха, – беспокойте! Только представьтесь!

– Ой, извините, это я только что встречал вас в аэропорту, я Евгений Мальцев, лысеватенький такой...

Степан Фёдорович вспомнил, что среди встречавших был один такой – разговорчивый и весёлый.

– Слушаю, Евгений... как вас по отчеству?

– Да можно просто Женя!

– Слушаю вас, просто Женя! – Соловьёву стал нравиться задорный голос позвонившего.

– Степан Фёдорович, вы меня извините, когда мы ехали в машине и вы узнали, что я из Москвы, как-то разговор невольно перешёл на меня, и не очень удобно было...

– Помню, мне, хабаровчанину, любопытно стало, как ты, москвич, сюда забрался?

– Да! Так вот, мне неудобно было вас перебивать, а вы просили кое-что по архивам. Мы нашли. Так что, если вы не особенно устали, можно было бы посмотреть...

– Ты имеешь в виду прямо сейчас?

– Нет, сейчас, – в трубке замялись, – вы, наверное, захотите отдохнуть или прогуляться по городу...

Соловьёв не дал ему договорить:

– Да, Женя, ты правильно рассуждаешь, давай завтра! Я действительно немного устал, поэтому сегодня – мэй ёу фанцзы! Хорошо?

– Что-что? Что вы сказали?

Соловьёв на секунду задумался.

– Нет, нет, ничего! Давай завтра!

– Ну конечно, Степан Фёдорович! Тогда до завтра! Отдыхайте! Я вас утром побеспокою!

Соловьёв попрощался, положил трубку и повернулся к окну.

Окно его одноместного гостиничного номера выходило на площадь Ленина, он её помнил с детства, когда она была ещё небогатой. С четвёртого этажа было хорошо видно, как, теснясь около плескавшегося струями нарядного фонтана, в мареве сгустившейся за день жары медленно гуляли, будто плавали, горожане с детьми. Там же, рядом с большими стендами, увешанными фотографиями, сидели ленивые, разморённые солнцем фотографы с громадными аппаратами, свисавшими к коленям толстыми объективами.

Номер был тесный и душный, но Соловьёв не стал открывать форточку, чтобы не налетели комары, а ещё хуже мошка, которая летом – в Хабаровске так было всегда – не даст продоху. Только что был тяжёлый перелет, целых восемь часов... и возраст – уже далеко за семьдесят... Стало побаливать сердце; Степан Фёдорович вынул из пакетика таблетки, которые положила ему жена, и не глядя сунул одну под язык.

Утром он проснулся рано, на часах было около пяти, он понял, что больше не заснёт, оделся и вышел.

Город ещё только розовел в рассветных лучах, солнце поднималось из-за гостиницы, из-за спины, поэтому дома напротив, через площадь: Высшая партийная школа и недавно построенная, облицованная белым мрамором городская больница – стояли наполовину закрытые тенью. Степан Фёдорович любил эти ранние часы – эту нежную, без озноба прохладу только что ушедшей ночи и это небо, которое сверху светилось синим, такое прозрачное, что смотреть в него можно было долго, потому что оно было бесконечное.

Он оглянулся, от гостиницы, на ступеньках которой он стоял, налево и направо расходилась похожая на коромысло, рассечённая площадью надвое, улица Пушкина: налево она спускалась на Уссурийский бульвар, когда-то там тонким ручейком протекала речка Плюснинка и на её берегу стоял его дом; направо она тоже спускалась, уже к Амурскому бульвару, там тоже когда-то протекала тоненькая речка под названием Чердымовка.

Степан Фёдорович посмотрел налево и увидел свой дом – кирпичный, красно-коричневый, крепкий. Было видно, что его не перестроили, не стало только деревянной лестницы, по которой он когда-то бегал. К нему можно было подойти, но изнутри что-то подсказывало: «Не надо! Там уже всё чужое!»

Он постоял ещё секунду и пошёл через площадь.

Перед самым вылетом из Москвы Степан Фёдорович вдруг подумал – узнает он город или не узнает: «Может – узнаю, а может, и нет! А может быть, город меня не узнает! Мэй ёу фанцзы! Их-ху мать!»

«Узнаю или не узнаю?! – думал он на ходу. – А сколько я тут был? Родился, крестился, учился... потом в Москву, в начале тридцатых! Потом снова сюда – в сорок пятом. А потом? А потом Китай, Харбин! А потом нас оттуда попёрли, то ли в пятьдесят седьмом, то ли в пятьдесят восьмом? Когда нас из Харбина-то попёрли?.. – Он на секунду остановился около фонтана, в котором в это раннее время ещё не включили воду. – Вот, кажется, в пятьдесят восьмом и попёрли. После этого год здесь сидел – отписывался!»

Большая асфальтированная площадка перед управлением была пустая, стояли три дежурные машины: светло-серая «Волга» ГУВД, узик Управления Особых отделов с чёрными военными номерами и чёрная «Волга» УКГБ. Прапорщик, несмотря на раннее время, впустил и даже не стал звонить и спрашивать разрешения у дежурного.

Старый железный лифт с узорчатой дверью одиноко прогромыхал на пятый этаж по всей вертикали пустого и тихого управления; Соловьёв вышел из кабины, забыл придержать тяжёлую дверь, и та оглушительно бабахнула: «Чёрт бы тебя побрал, старый хрен, сейчас ещё дежурного разбудишь! Потом будет жаловаться!»

По скрипящему паркету пустого, гулкого коридора он прошёл в левое крыло, туда, где находился кабинет сотрудника разведподразделения Хабаровского управления Евгения Мальцева; посмотрел на старую эмалированную дощечку на двери «555» и вытащил из-за верхней притолоки ключ.

В узком высоком кабинете, куда он вошёл, стояли три рабочих стола и три сейфа; он огляделся и увидел слева на стене большую, даже огромную, от потолка и до пола, от двери и до самого окна карту, на которой под верхним обрезом была надпись:

«СССР и прилегающие территории».

«Ты смотри какая!.. – Соловьёв подошёл к ней и задрал голову. – От Северного полюса и до Бомбея и Калькутты. – Потом он посмотрел справа налево и слева направо. – От Англии и до Японии!..»

Карта была красивая: на ней яркими красками рельефно были нарисованы горы, реки, озёра и леса и тонкими, почти незаметными красными линиями только-только обозначены государственные границы. Степан Фёдорович был приятно удивлён и несколько минут стоял и любовался ею. Ему нравилось, что границы на карте были едва заметные и не мешали и можно было, как бы не нарушая их, перемещаться по всей Европе и Азии, куда хочешь, в любом направлении, хоть целыми племенами и народами.

«И название правильное: «Эс-Эс-Эс-Эр и прилегающие территории!» – с улыбкой подумал он, повернулся и на противоположной стене увидел ещё одну карту; на ней в правом верхнем углу было написано:

«Карта Северной Маньчжурии. Издана Экономическим бюро КВЖД 1926 год».

Она была меньше, но тоже большая и не цветная – Соловьёв подошёл к ней, – но и не чёрно-белая: бумага, на которой чёрной тушью были нарисованы города, дороги, водные пути, телеграфные линии и многое другое, уже утратила белизну; от старости она приобрела мягкий

оттенок слоновой кости и поэтому больше напоминала древний, пропитанный временем пергамент.

Степан Фёдорович смотрел на неё, и ему стало казаться, что она ему знакома, что он её когда-то уже видел. Он был в кабинете один, но на всякий случай оглянулся, потом вытащил кнопку, крепившую её нижний край к стене, и заглянул на обратную сторону. Нет, он не мог её видеть, – на обороте, на старой, уже ставшей ломкой марле, на которую карта была наклеена, стоял выцветший фиолетовый прямоугольный штамп «УНКВД ДВК» с регистрационным номером за 1946 год. Значит, эта карта попала в управление с трофеями, а в 46 году он уже работал с китайскими коммунистами там, в Харбине, и к трофеям не имел никакого касательства. Чуть выше штампа он обнаружил резолюцию «Уничтожить», написанную толстым синим карандашом, и рядом с резолюцией неразборчивую, витиеватую закорючку подписи.

Да, в сорок шестом он точно работал в Харбине и не мог её видеть, но что-то от неё такое исходило...

– Степан Фёдорович! Вы уже здесь?

Соловьёв вздрогнул и обернулся, в дверях стоял запыхавшийся Евгений Мальцев.

Степан Фёдорович посторонился, уступая ему место в узких проходах между столами:

– Да, Женечка! Спасибо тебе! Ключ я нашёл, как договорились. А ты что же так рано?

Почему не дома?

– Да вот, Степан Фёдорович, я сейчас с дочкой один кукую, жена в больнице на сохранении. – Вошедший молодой человек небольшого роста, с улыбочивым круглым лицом и ранней лысиной переводил дыхание. – Бегал за питанием в молочную кухню.

– А сколько дочке? – поинтересовался Степан Фёдорович.

– Годик с небольшим. Замотался я с ней, надо кормить, поить, спасибо соседке, что помогает.

– Молодая соседка? – поинтересовался Соловьёв.

– Да! – удивлённо ответил Мальцев.

– Так, беги домой! Корми и пои, а то ей, бедняжке, и пописать будет нечем, я имею в виду дочку!

Мальцев прыснул:

– Хорошо, спасибо, Степан Фёдорович! Если вы всё нашли, тогда я побежал! – сказал он и повернулся к дверям.

– Постой! – остановил его Соловьёв. – Откуда это? – спросил он, показывая на карту Маньчжурии.

– А-а-а! Я знал, что вам понравится, а есть ещё одна – карта Харбина тридцать восьмого года издания, на русском языке, со всеми русскими названиями, эмигрантская, – хотите, покажу? – Слово «Харбина» Мальцев произнес с ударением на последний слог.

– Да? А где ты их добыл?

– Архивные, точнее, – трофейные! Эта, – он показал на карту Маньчжурии, – досталась мне от моих предшественников, старших коллег, а харбинскую я сам откопал.

– Вот как? – удивился Степан Фёдорович. – Ну давай, показывай!

Мальцев полез в нижний ящик стола и вытащил оттуда сложенную в несколько раз карту; он начал её разворачивать, но Степан Фёдорович остановил его:

– Вот что, молодой человек! Эдак ты дочь-то голодом заморишь, мы тут до вечера не закончим. Я вижу, ты ко всему этому тоже с интересом!

Мальцев согласно пожал плечами.

– Ты мне её оставь, а сам беги, потом обсудим, а то и соседке, сам понимаешь... – Степан Фёдорович многозначительно сдвинул брови, – будет нечем! Мэй ёу фанцзы!

Мальцев снова прыснул:

– Как вы сказали – «мэй ёу фанцзы»? Что это?

– Потом объясню, беги!

Соловьёв видел, что Женю Мальцева что-то удерживает и он хочет что-то спросить, но он махнул ему рукой, Мальцев на секунду задержался, взял ключ и вышел из кабинета.

«Оперок! Хороший оперок. Были когда-то и мы!..» Соловьёв взялся за стул, сдвинул на край чёрную, на гнутой ноге настольную лампу и начал разворачивать эмигрантскую карту Харбина: «Харбина! Правильно! Ударение на последний слог!» Он стал её рассматривать, водил пальцем по линиям улиц, читая знакомые названия: «...Артиллерийская, Казачья, Диагональная, Виадук, а вот Больничная, на ней была миссия, Большой проспект...», и снова, как бы в подтверждение, почувствовал, что обе – и та, что висит у него за спиной, и эта – на столе, – в руках у него уже были.

«Ладно, это карты, а что нам приготовили ещё?»

На столе стопкой лежали две папки: он взял верхнюю, тонкую, когда-то она была нежно-голубой, но выцвела и от множества фиолетовых штампов приобрела архивный вид, на ней от руки печатными буквами было выведено:

УНКВД СССР по Хабаровскому краю.

Спецотряд № 16.

Контрольно-наблюдательное дело

«Императорская японская военная миссия»

г. Харбин. Маньчжурия.

Сотрудники.

Капитан Коити Кэндзи.

Том № 38.

1946 г.

Он отложил её и взял другую, толстую, увесистую, бурого цвета, на её лицевой стороне тоже была надпись фиолетовыми чернилами:

Дело

оперативной разработки

«Патрон».

Том № 1.

Начато: 1922 г.

Окончено: 1946 г.

«Патрон!» Вот это да!» Степан Фёдорович развязал тесёмки, открыл обложку, и из-под неё на стол выпорхнул небольшой листок; он чуть было не слетел со стола, и Степан Фёдорович прихлопнул его ладонью. Листок был из настольного календаря со следами двух оборванных дырочек; Соловьёв взял его в руки и прочитал:

1938 год.

23 февраля.

Среда.

День Рабоче-крестьянской

Красной армии

и флота.

20-я годовщина.

Ниже мелким шрифтом было напечатано: «Восход солнца в... заход в... продолжительность дня...» – и так далее. Соловьёв с удивлением перевел взгляд на папку – на ней значился год – 1946-й.

«Откуда же ты такой вылетел? Из тридцать восьмого!»

Он положил листок на стол, снова посмотрел на папку и медленно откинулся на спинку стула.

«Патрон»! Вот так так!»

Соловьёв почувствовал, что у него в груди что-то шевельнулось, что-то тяжёлое, ему стало трудно дышать, он удивился и подумал: «Ах, этот чёртов перелёт!» Его лоб и щёки покрыла холодная испарина, во вспотевшей ладони оказалась гильза с нитроглицерином; он положил таблетку под язык и начал её рассасывать; через несколько секунд по телу прошла горячая волна, она немного замутила голову и сошла; для верности он посидел ещё несколько минут, потом встал и вышел из кабинета. Медленно, давая возможность успокоиться сердцу, он пошёл в самый конец коридора, к лестничной площадке с большим окном и боковым лифтом, который он помнил и который почему-то, как ему казалось, никогда не работал. Через окно был виден кусочек синего утреннего Амура и в белёсой дымке – дальние сопки Хехцира.

«Патрон»! Не ожидал! – подумал он. – Александр Петрович! Барон фон Адельберг! Как же долго вы, Александр Петрович, пылились в архиве...»

Он постоял, подождал, пока успокоится сердце, и вернулся в кабинет.

За первыми ветхими страницами: «Опись документов» и «Постановление о заведении дела» – была подшита «Анкета»:

«Патрон

Фон Адельберг Александр Петрович, барон.

Год рождения – 1885-й.

Место рождения – г. Митава.

Происхождение – потомственный остзейский дворянин...»

Часть первая

Глава 1

Паровоз окутался дымом и паром, завыл тормозами и загремел сцепками; короткий, из нескольких вагонов, эшелон вздрогнул и остановился. На перроне, с винтовками наперевес, стояла плотная шеренга солдат чешского легиона.

– Что это может быть, Михаил Капитонович?

– Точно не знаю, Александр Петрович, но, судя по всему... прикажете выяснить?

– Нет, поручик, я сам. Распорядитесь по составу «В ружьё!».

С подножки вагона с красным крестом на борту соскочил офицер в полковничьих погонах русской императорской армии и, придерживая рукою саблю, быстрым шагом пошёл к группе стоявших у входа в здание заиндевелого деревянного вокзала чешских офицеров.

– Литерный эшелон Верховного! Почему остановили? – закричал он. – Кто старший?

Один из офицеров вышел к нему навстречу и взял под козырек.

– Поручик Ганка! – с лёгким акцентом представился он, потом потупился и тихим голосом добавил: – Приказ начальник 3-й чешский дивизия полковник Прхал, пане полковник! Вам приказ отдать паровоз и эшелон для конфискации под моя охрана и сдать оружие.

– Как приказ? Какой приказ? Я полковник барон фон Адельберг! Повторяю, поручик, это литерный эшелон Верховного! – Он схватился за саблю, но в этот момент чехи загрохотали затворами и стало ясно, что сопротивляться бесполезно. Полковник бросил саблю и револьвер на настил перрона и, сопровождаемый двумя легионерами, вошёл в здание вокзала. Когда он проходил мимо чешских офицеров, то за их спинами с удивлением увидел смуглое, скуластое, раскосое лицо, почти полностью зарытое мехом огромной шапки.

«И эти здесь!»

Утром третьего дня арестованный чехами полковник Адельберг обнаружил, что ему не просунули баланду и замок с внешней стороны двери сбит; он пнул её ногой и вышел. Катажка оказалась самодеятельной: под неё было приспособлено пустое помещение, примыкавшее к залу ожидания и имевшее свой вход. Полковник вышел на свет и оказался на деревянном перроне. Первые пути, нечётные, как и позавчера, когда чехи остановили его эшелон, были пустыми. На чётных стоял и подпускал под себя струи пара защищенный большими бронированными листами паровоз с двумя платформами. К ним с тяжёлыми мешками шли чешские солдаты и укладывали их вдоль бортов. Между мешками были бойницы, и на ближней к паровозу платформе уже устанавливали пулемёт системы «Максим». Над бортами платформы мелькали головы, а толстый ствол пулемёта водил тупым рылом: правее, левее, вверх, вниз.

«Просматривают зону обстрела, союзнички!» – подумал Адельберг.

– Эй, пане-господине! – услышал он насмешливый голос. – Не надо шевелиться, я на тебя буду прицел брать!

С платформы послышался смех; солдаты с мешками остановились и стали искать причину возникшего веселья. В это время тихо и поэтому неожиданно по нечётному пути к перрону приблизился другой паровоз, который тащил ещё две платформы, а за ним стал виден ещё один, за которым тащились теплушки. Паровоз, тащивший платформы, поравнялся с бронированным и дал свисток, тот ответил ему, и паровоз покатила платформы дальше.

«Маневровый! Ещё платформы к бронепоезду!»

После нескольких суток заточения глаза Адельберга начали привыкать к тому, что что-то двигается и есть солнечный свет.

Из первой теплушки подошедшего за маневровым паровозом эшелона выскочил маленький офицер с длинной саблей; поскользнулся на наледи, устоял и на чешском языке заорал вдоль теплушек, насколько Адельберг смог разобрать, чтобы никто не выходил и что через несколько минут «влак» пойдёт дальше.

Крик чешского офицера ударил ему в уши.

«Чёрт возьми! Чего я стою? Или мало общался с чехами? Надо сматывать удочки, пока не поздно; за два дня не расстреляли, так сейчас быстро наверстают! – Он оглянулся и увидел в нескольких шагах от себя дверь, которая вела в помещение станции. – Но прежде надо найти телеграф!» В этот момент дверь открылась, и из неё вышел мужчина в фуражке и шинели железнодорожного служащего, Адельберг шагнул к нему, но тот оглянулся, свернул за угол и исчез, как будто бы убегал от него или от приехавших в теплушках чехов. Адельберг удивился, но окликнуть его не успел и вошёл в маленькую залу. Слева располагалась конторка кассы: через довольно чистое стекло было видно, что конторка пуста и в ней на столе у окна стоит телеграфный аппарат с большими бобинами, с которых ленивыми гирляндами свисала узкая бумажная лента: бобины не вращались, аппарат не издавал привычного стука, и бумажная лента не вздрагивала.

«Не работает! Выключен! Оборвана связь!» – пробежало в голове, и он понял, что с этой станции он не сможет связаться со ставкой Верховного.

«Железнодорожник, – подумал он, – тот, что сейчас вышел, наверное, и есть и кассир, и начальник, и телеграфист!»

Он обвёл залу взглядом и увидел в углу справа рядом с высокой, от пола до потолка, чёрной чугунной печкой, обогревавшей зал и его недавнюю тюрьму, большой железный бак, на котором на цепи болтался блестящий водой резной деревянный черпак. От бака, из темноты угла, к нему шагнул высокий плотный мужик в чёрном и, как показалось Адельбергу, странном тулупе – коротком и без рукавов; мужик утёр раскрытой ладонью губы и спросил:

– Своих шукаешь?

«Ничего себе?» – подумал Адельберг, шагнул назад и невольно потянулся рукой к кобуре.

– Не хапай, ваше благородие, – мужик махнул рукой, – пустая она! Твою пистолю чехи прихватили и сабельку выкинули, так я её подобрал.

Мужик появился из темноты как чёрт из табакерки, всё произошло в несколько секунд: пустой зал ожидания и конторка кассира, неработающий телеграфный аппарат и этот...

– Своих шукаешь, ваше благородие? – снова спросил мужик.

– Что? – Адельберг прокашлялся, голос ему изменил: почти двое суток в каталажке он молчал и сейчас почувствовал, что его голос как будто бы и не его.

– Ты, ваше благородие, пытай, чего пожелаешь, я на энтой станции уже три дни! – Мужик остановился и приосанился. – А можа, есть чем на чё поменяться? А я хлебушком ссужу али рыбкой сушёной! С Байкала я! – Его предложение прозвучало неожиданно. – Сюды прибега мануфактурой разжиться али ишо чем, городским, дык вот, застрял...

– Чем же ты можешь у меня разжиться, мил-человек? – прокашлявшись, спросил Александр Петрович. – У меня и есть только то, что на мне!

– А и то хорошо, что на тебе! – Мужик сдвинул шапку на затылок и погладил смоляную, без единого седого волоса бороду. – Эвон кака шинелишка – добрая, царского сукнеца. Вот только совет тебе дам, ты погоны-то да кокарду сыми, чехи тебе уже не тронут, а красные не сёдни к вечеру, так завтра к утру будут туточа. Как ты вышел из каталажки, так снова туды и угодишь, а то и того дале!

Мужик говорил просто и уверенно.

– А ты знаешь, что я был в каталажке?

– Так об том на станции все знают! Ты ж казну перевозил, даром что чехи её забрали, нужда у них была в паровозе, ихний-то красные повзорвали, а получили и паровоз, и казну...

«Однако быстро тут новости распространяются!» – подумал Адельберг.

– ...А как власти здесь окажутся, особенно ежели красные, так сразу к тебе с распросами, уж точно, что про казну! Придётся ответ держать!

Это было похоже на правду: здесь, между Нижнеудинском и Иркутском, никакой власти, судя по всему, пока не было, но уже не загадка, какая будет. Стало понятно, почему от него убежал железнодорожник, который наверняка и был и телеграфистом, и начальником станции.

«Да, значит, здесь я телеграфом не воспользуюсь! А вот я спрошу...»

– Если ты про меня знаешь, так, может быть, и про моих людей знаешь?

– Как не знать? Подалися все на восход, на Иркутск, а можа, и дале, энтого знать не могу!

– С ними офицер был!

– Усатенький такой! Был! Сорокиным, по-моему, кличут, иль не Сорокиным, птичья кака-то хвамилия, точно не упомянул, белобрысый, как не быть? И росту моего. Он было по первости за сабельку-т схватился и даже замахнулся на кого-то, когда тебе руки-то заломали, дак его хотели в расход пустить, а послая отпустили... и солдат твоих, а чего отпустили, не знаю, я ихних разговоров не слышал.

«Правильно – Сорокин, и «росту» действительно твоего!»

– Отпустили Сорокина?

– Отпустили!.. – Мужик хотел добавить что-то ещё, но Адельберг неожиданно перебил его:

– А кожушок на тебе странного фасона или не по размеру пришёлся?

– Да нет! – Мужик, сбившись, хмыкнул, опустил голову и стал переминаясь с ноги на ногу.

«Украл, наверное, и сейчас будет оправдываться!» – подумал Адельберг, ему почему-то захотелось именно сбить этого странного мужика с того уверенного тона, который тот задал с первого своего слова.

– Ночью ещё был и по размеру, и по хвасону... Дак вот, пока ты спал, ночью-то, обоз тут шёл, с вашими, городскими, антелигенцией, а он и щас идёт, так шибко помороженные были, и робятишки меж имя. Такая жаль! Вот рукава-то и полы и пообрезал да на завертки отдал, чтоб на руки да на ноги робятишкам намотали...

Александр Петрович понял, что был не прав, и пришедшая ему в голову мысль была несправедлива; он даже захотел извиниться, но вовремя спохватился, потому что это была только мысль, и вслух он ничего не сказал.

– ...А нам не привыкать, и дома у меня этих кожушков хватит. И на твою бы стать нашлось.

Адельберг удивился.

– Дома? Ты местный? – спросил он.

– Никак нет, ваше благородие. – Мужик поднял глаза и стал смотреть уверенно, как прежде. – Я ж гуторю, я байкальский, отседа до моей деревни через Байкал надоть... Это никак не меньше как три дни... Но энто ладно, энто не ваша чугунка, нету угля или там дров, или, к примеру, чехи всё позабিরали, так и стой! Мы по энтому тракту уж скока бегаем; нам ваша железка, только одне хлопоты.

После этих несколько сбивчивых слов Александр Петрович снова подумал, что его случайная мысль «об украденном кожушке» была несправедлива.

– А как зовут тебя, мил-человек?

– Крестили Мишкой, кличут Лопыгой али гураном, кому как способнее! А ты?.. Ты из каковских?

Адельберг не понял.

– Из каковских ты? – повторил мужик.

– Как «из каковских»?

– Я пытаю – артилерия, или кавалерия, али пехота какая?

– Ах вот ты о чём, я из егерей!

– А-а-а, из егерей, знаем мы егерей! – протянул мужик, он стал топтаться и обшаривать себя по поясу. – А табачку-т у тебе, случаем, нет?

– Нет, Михаил, табачку у меня нет, весь выкурил в каталажке.

– Ну, тады слухай меня, ваше благородие! – Он перестал перетаптываться, глянул на конторку и тряхнул мешком, удобно устраивая на плечах верёвочные лямки. – Дело оно, конечно, хозяйское, однако ж, как я кумекаю, оставаться тебе туточа резону нету! Всё одно порешат! Поэтому я о чём гутарю... ежели хочешь жить, да с пользой дела, айда со мной!

Предложение мужика было неожиданным.

– Мне нечего тебе дать и нечем заплатить, какая же тебе от меня польза?

– А никакой! С мёртвого с тебя шинель снять да погоны с кокардой внучкам на чечи отдать, пушай играют... дак ведь не дадут. Тебя разденут до исподнего, а потом уж порешат, потому предлагаю, ваше благородие, езжай со мной. Остаться тебе тута всё одно резону нету, – повторил он, – потому как по тайге кругом партизаны. Вывезу тебя на тракт, ваши там ешшо телепаются, к ним и пристанешь, а тама, глядишь... – Мишка не договорил.

Адельберг глянул мужику в глаза, и, если бы в этот момент он уловил хотя бы тень подвоха, он бы знал, что делать, но Мишка смотрел на него просто и открыто.

«И сабля моя у него!..» – почему-то вспомнил его слова Адельберг.

– А что, если тебя партизаны арестуют, со мной, офицером? Не боишься?

– А мне чё бояться? Ежли схватят, покуда до тракта не добежим, тебя опять же стукнут, твою саблю у меня отымут, а шинель так и снять не дадут, а потом ещо агитировать станут... а в обозе ты уже свой! – резонно сказал Мишка. – И мне по пути!

В это время открылась дверь, с улицы донеслись гулкие шаги солдатских башмаков по деревянному перрону, и в клубах пара в зал вошёл человек в форме железнодорожника, тот самый, которого Александр Петрович уже видел.

Мишка примолк и подождал, пока железнодорожник, который пристально посмотрел на них, скроется в дверях конторки.

– Тикать тебе надобно, ваше благородие, энто вот, самый у них красный, даром что чехи уже всё позабировали!..

«Это правда, а до обоза ещё надо дойти!» – подумал Адельберг, и вдруг ему показалось, что мужик по имени Мишка не зря появился у него на пути.

– Ну как, ваше благородие, полезай в кошёвку, туто-ка она, за углом! Али здесь останешься, судьбину пытаться?

Кривыми окраинными улицами они выбрались на Сибирский тракт. Стоя на коленях и постукивая кнутовищем по оглобле, Мишка погонял лошадь и по дороге рассказывал, что «незадолго до Крещения сам Верховный и ашалоны с золотой казной были взяты под охрану чехами и двинулись в сторону Иркутска; а перед Рождеством в Нижнеудинске стоял большой и обмороженный Каплин-инерал, и там же соединились две армии...»

«Каплин! Капель! Обмороженный! Это плохо!»

– ...А всего-то несколько дён, как ваши отогнали отседа красных, и сейчас, надо думать, – уже под Иркутском.

Александр Петрович вздохнул: «Значит, это здесь был бой, за день до моего ареста. Опять я не успел!»

Они отъехали от станции и уже несколько вёрст как втянулись в обоз, а на выезде из деревни, на околице, перед самым трактом им показалось, что из-за заборов и плетней за ними кто-то следит или крадется. Мишка занукал и «заревел» на лошадь во весь голос, правда, потом оказалось, что «ревел» он совсем не на лошадь:

– А нешто им, красным! Оне тожа пужливые, чисто медведи, – ему ревьешь, а он тикает...

По тракту шли бесконечные конные упряжки. Александр Петрович обустроился в кошёвке, подоткнул под себя мешки, набитые чем-то мягким, и огляделся. От Омска до станции Тайга он ехал по железной дороге в хвосте штаба Верховного. На станции Тайга полтора месяца назад по приказу Колчака вместе с полуротой охраны и несколькими офицерами принял и сопровождал, до того как его арестовали чехи, небольшой эшелон с отцепившимся и отставшим вагоном с несколькими ящиками с золотом и ещё какими-то ценностями. По всей дороге запасные пути на станциях и отводные нитки были забиты холодными паровозами, теплушками и классными вагонами, пустыми и полными трупов замерзших раненых и тифозных. Недалеко от железной дороги, иногда пересекаясь, иногда расходясь, тянулся Сибирский тракт, по которому двигались две белые армии, остатки отбившихся воинских частей и бесконечный обоз с беженцами.

Впереди и позади Мишкиных саней ехали такие же сани, их было много, их чёрная муравьиная вереница была хорошо видна, особенно на равнине или когда тракт длинными тягунами поднимался вверх, и казалось, что обоз не имел ни начала, ни конца. Иногда, когда обоз вытягивался в нитку, они с Мишкой обгоняли другие сани; маштачок, маленькая лошадка сибирской породы, тащившая их и доходившая вознице всего лишь под грудь, бежала бодро; тогда Александр Петрович видел измождённых, закутанных с головой людей – мужчин и женщин, среди которых сидели дети, у детей были серые лица стариков, и старики с запавшими лицами мёртвых. Из тайги, осёдланной с обеих сторон отрядами партизан или бандитов, иногда раздавались винтовочные выстрелы и пулемётные очереди. Но в открытую партизаны не нападали, наверное, потому, что невдалеке, параллельно проходила железная дорога, по которой с той же скоростью, что и обоз, двигались эшелоны с чешскими, польскими и сербскими legionерами.

Когда Адельберг угнездился в кошёвке: укрыл ноги, засунул в рукава шинели руки и начал согреваться, – он вдруг услышал, что, несмотря на громадное стечение народу, на тракте было тихо. Тихо было в тайге, тихо скользили по наезженному снегу сани, тихо храпели лошади, и даже сбруя звенела тихо, если передние сани вдруг останавливались или начинали съезжать на задние. От этой тишины появилось ощущение спокойствия и равновесия, но его опытный ум понимал, что всё это хрупкое и может сломаться от одного какого-нибудь непредвиденного случая.

– А что чехи? – спросил Александр Петрович.

– А хто их знает! Но видать, у них с красными согласие имеется, шоб особо не баловали ни те ни энти! Без того мы бы с тобой и трех вёрст не пробежали, да ещё в твоей шинелишке, да и не с руки им!

– Что ж так?

– А то! Мы, да все остальные, своими ногами плетёмся, голодные и холодные. Бона! – И Мишка указал кнутовищем на обоз впереди и сзади. – В тайге партизаны как у себе дома! А они, чехи, по две перьсоны на один вагон, а больше не поместится! Каждый вагон бараклом да пианинами забит под самую завязку, одних глаз нету! Ворохнися тут! Особливо против красных!

Да и против белых! Далеко ли они доедут? А? Я спрашиваю! Потому они, то есть чехи, как в заднице... промежду энтими!.. – Он сверху вниз округло развёл руками и незаслуженно огладил маштака кнутом. – Эх! Када тока и подотрёмси?

– Нейтральная зона, несколько верст! – тихо подтвердил Адельберг. – Союзники!

– Натуральная, как есть! – Мишка обернулся, и Адельберг увидел, что его глаза блестят злостью. – Союзники! Каки ж они союзники, мать их? Они – пленные наши! То бишь ваши. Сказал тоже, союзники! Таперя у вас союзники – японцы, косоглазые! Можя, и ты их на станции видал! Вот! Они хотя бы тут-ка – за ближним морем, а остальные, разные там хранцусы с агличанами, так они за дальним морем. Тута им чё надо? Отсель, что ли, немца воевать? Дак

и немца уж нет! Замирился Ленин с немцем. А мы всё воюем! – Мишка коротко сплюнул. – Ты вона чё, поройся-ка, – он ткнул кнутовищем в правый борт саней, – достань снизу шапку. Она с ушами, да натяни поглубже, а то свои-т познобишь.

Адельберг нашёл под мешками большой барсучий малахай, натянул его на самый лоб и подумал, что Мишка оказался дважды прав: прав в том, что чехи, как хозяева положения, заняли всю железную дорогу, и в том, что на таком морозе и правда несложно уши «познобить».

Через несколько минут он почувствовал, что всё его тело смертельно хочет спать. Обочины тракта ни медленно, ни быстро проплывали мимо; среди кустарников то тут, то там виднелись припорошенные снегом большие бугры, это были трупы брошенных лошадей. Вверх торчали распряжённые санные дышла: если конь слабел, сани распрягали и бросали; стояли артиллерийские орудия с забитыми замками и снятыми панорамами. Попадались припорошенные бугры поменьше, это были люди, умершие от голода или тифа, начавшего свирепствовать по всему тракту ещё от Новониколаевска. В одном месте тел было сразу несколько, уложенных рядом, ногами к дороге, у них в головах, у среднего, стоял связанный верёвками берёзовый крест.

«Белые, красные, беженцы?» – задался вопросом Александр Петрович, и сон будто смазало.

А Мишка говорил. Говорил, почти не умолкая, рассказывал о разном: о том, что видел, о том, что слышал от других, а когда они проезжали мимо этого креста, перекрестился и замолчал. Александр Петрович тоже перекрестился, однако ему не хотелось, чтобы Мишка молчал; сон прошёл, всё, что происходило на тракте и по обе стороны от него, было тягостно: и белый снег, и тишина, которая воспринималась тоже как белая, холодная и неживая, а Мишкин разговор как-то всё это скрашивал. Адельберг подумал, что, наверное, не стоит нарушать его молчание, но не удержался и спросил:

– Сколько, ты говоришь, вы по этому тракту «бегаете»?

– Дак! всю жизнь и бегаем. Я и себя не помню, а всё бегаем. Ишо и до меня... уж какую сотню лет! Да вот, слышь? – Мишка глянул на него через плечо, и Александр Петрович услышал в его словах ухмылку. – Ваши тут, из Рассей, после реформы, када земельку-то у них свою отняли, а нашу дали, царь энтот...

– Александр Второй!

– Во, он самый! Я не помню, я ишо не родился, када ваши безземельные туто-ка всё шли и шли и нашей деревеньки за Байкал-морем не миновали. Один тожить, как ты, егерем был. Нас двое сразу родилося – двойнята, значит, я да сестрёнка-близняха, дак он мамку с сестрёнкой скрал, а меня отцу оставил, адали перепутал. А отец-то чё, гураным молоком меня и выкормил. А мамка пропала и сеструха... незнамо где. Вот нас, кто по ту сторону Байкала живёт, гуранами и кличут. То есть от козы мы, от дикой. – Мишка хохотнул. – Так-то!

– Да-а! – Александр Петрович тоже усмехнулся. – Интересная история, а посмотри, тракт старый, а верстовых столбов не видно!

Однако Мишка, видимо, не расслышал вопроса, ударил кнутовищем по оглобле, и маштачок взялся бодрее.

– Я вот что! – спросил он. – Ты Красноярский город када проходил?

– Больше месяца назад.

– Больше месяца назад! Так вот, Каплин-инерал...

«Капель!» – мысленно поправил его Адельберг.

– ...промашку дал, от Красноярска вниз пошёл по Енисею. Это я всё про ваших, значит, из Рассей! А потомача на Канречку свернул, а тама... – Мишка аж присвистнул, – тама-ка, ваше благородие, не приведи господь!

– А что там?

– Ключей там много, тёплых, вода текёт поверх льда, не замерзая, лёд местами тонюсенький, хруп – и ты в воде, по пояс, а то и выша! А на снег вылезешь, и весь льдом, адали куражком, покрываешься. И такой весь Кан. Берега высоко-о-okie, чисто столбы, сосны, кедрач. Немудрено поморозиться. Немного оттэда вышло, а каки и вышли, так... И глушь... И Кан – глушь, и вся энта тайга – глушь. На сотни верст ни тебе жилья, ни вехи.

– Бывал там?

– Бывал раз! Боле хватит! Зимой снегу лошади по подбрюшицу, летом – гнус, сваво носа не увидеть. Тольки и времени, что в мае, покель нечисть не повылазит; да осенью, до снегов, до Покрова! Тама, говорят, энтот Каплин ноги и познобил. А ты, часом, не знал его?

– Знал! – с грустью сказал Александр Петрович. – В Германскую кампанию вместе воевали.

– Бравый был ахвицер?

– Бравый!

– Ну дак и нет его таперь, бравого! Не уберегли!

Какое-то время они ехали в тишине, слышно было только, как шевелится мороз и посвистывают полозья саней, тех, что спереди, и тех, что сзади, и крики возниц: «Понужай!», «Понужай!».

Мишка прижал ко рту руку в вязаной вареге и отогревал её дыханием.

– Каво ревут «понужай»? И так нюх в нюх идём. Не околел ещё, ваше благородие?

– Нет!

– Ну ин ладно! Это я про это – инерал он и есть инерал, даром что немец, Каплин твой! А царя-то пошто не уберегли? Зачем обидели его, да так, что он аж отрёкси? Это ж каку ссору надо было сотворить в столицах, чтоб так царя досадить. Тышу лет он правил, а тут отрёкси! А?

Пока Александр Петрович думал, что ответить, они нагнали другие сани.

– Ты спросил меня, почему кожух мой не по хвасону, глянь на энти сани, что сейчас обгоним...

Александр Петрович посмотрел, в санях сидела закутанная баба, а с ней пять или шесть детей.

– Семеро! – сказал Мишка. – Самый младший, поскрёбыш-то, у ней на грудях замотанный. Хотя ежели по правде, то шестеро, он у ней уж помер, но не отпускает она его. Дай-ка ей рыбки вяленой, вона из энтого мешка, да тольки брось, в руки не давай, и в zenки прямиком не гляди, а то кидается.

Александр Петрович порылся и из зашитого суровой ниткой мешка вытащил за хвост стоячую колом вяленую рыбину. Мишка оглянулся, увидел её и согласно кивнул, нукнул лошадке, дал вожжей и поравнялся с соседними санями. На санях за бабой-возницей спинами друг к другу сидели дети, один из них, по виду мальчик, смотрел прямо на Александра Петровича и держал руки, как в муфте, в отрезанном от овчинного тулуца рукаве.

«От Мишкиного кожуха?» – подумал Адельберг, протянул рыбину, но мальчик не пошевелился и не моргнул, а может быть, в сумерках этого было не разглядеть, да и по самые глаза мальчик был поверх шапки повязан большим пуховым платком.

«Пять! – подумал Александр Петрович. – Уже, наверное, только пять».

Мальчик сидел зажатый своими братьями и сестрами, видимая часть его лица, нос и щеки были восковые, полупрозрачные и неподвижные. Адельберг приноровился и кинул рыбину так, чтобы она упала, задев спину возницы, но та тоже не пошевелилась. Мишка громче нукнул и снова щёлкнул кнутовищем.

– Попадья! – сказал он. – Вот только батюшку еёшнова злые люди на кресте его же церкви и распяли. И как взобралися?

– Большевики?

Мишка оглянулся и неопределённо пожал плечами:

– А кто его знает? Большевики али меньшевики. Вишь, как у них всё запроста – большой, значит, большевик, меньшей, значит, меньшевик, а средний как? Чё ли средневик?

Мишкины сани обгоняли сани попадьи, Адельберг посмотрел ей в лицо и не разобрал, жива ли она.

– ...Разе в том дело?.. Медведь на колокольню не утянет, а ежели и утянет, так верёвками не привяжет и гвоздями не прибьёт. Али я не прав? Люди это сделали! Твари божьи. Никто не родится большевиком али меньшевиком, у него и имя-то нет, када мамка его тока-тока на свет выпростает: Мишка он али Сашка. И не всяк ещё до имени своего доживёт! А ты про верстовые столбы пытаешь! На кой ляд они ей? Ей уже всё равно, скока она проехала и куда. Она уже тамо-ка! – И он ткнул кнутовищем в небо. – Тольки зря рыбу перевели, дак, это ничево, ещо наловим, Байкал большой, чё даст, всё твое. Царствие ей небесное! И робятишкам еёшным! – Он порылся под полой и вытащил круглый, плотно набитый кисет.

«Забыл, наверное, что у меня просил табак!» – усмехнулся про себя Адельберг.

– На вот! Закури, что ли! Дак ведь у тебя небось и завёртки-то нет. – Он открыл кисет и вытащил оттуда аккуратно разорванные газетные листки.

Александр Петрович, душа которого стала холодеть, то ли от мороза, то ли от того, что он только что увидел, был благодарен Мишке за табак, за то, что он говорит, за то, что едет, и мало ли ещё за что?

– А у нас поп сбежал сам, к красным, к партизанам! – сказал Мишка. – Удиви-и-ил, вот те крест! Причащайт он их там, что ли? Так вот детишки наши, у меня три внучки, уж год как неучами растут, грамоте не разумеют, а энт не дело.

– Так и что? – удивился Александр Петрович, о таком он слышал впервые.

– Ну а как – што? К примеру, ты человек столичный, видать, да из егерей, а можа, и гвардея какая, так, стало быть, надо думать, и царя-батюшку видал?

– Видел!

– Значить, образованный!

Адельберг замялся.

– Вижу, что образованный. Как жеть! Быть в столицах, да при царе, и необразованным! А, к примеру, заморскими языками владеишь?

– Какие тебя интересуют? – спросил Александр Петрович, ему стало любопытно. – Может, тебя монгольский интересует? Граница рядом.

Мишка махнул рукой и досадливо поморщился.

– С бурятами? – По-сибирски он сделал ударение на последний слог. – Не, с энтими я и сам, слава тебе господи. Даром, что ли, бок о бок трёмся. Какой-нибудь позаковыристей!

– Китайский, французский, английский, немецкий! Какой?

Мишка оглянулся с широко открытыми глазами:

– О! Энтим, немчуры который! Скоро всем на Руси жиды да немчура заправлять будут!

– Это с чего же ты взял?

– Как так с чего? – Он изумился. – В Иркутске что не лавка, то немец. Скобяное – немец, мануфактура – немец, наряд какой дочке или внучкам купить али струмент – снова немец. Ты сам-то кто? Случаем, не немец?

– Немец! – рассмеялся Александр Петрович. – Да только матушка моя русская.

– То-то и оно! Батька твой немец, а на русской женился, стало быть, и она немка, и не была, так стала! Вот я и говорю, коли кругом немцы, так, знать-видать, его и надобно учить. А тут и русскому – некому, коли свой поп-грамотей сбёг.

В разговорах они ехали до самой темноты. Мишка рассказал, что его жена умерла при родах и оставила дочь, а та вышла замуж и родила ему трёх внучек, погодок, младшей исполнилось шесть лет, а муж оказался хворый и в верхнеудинской больнице умер.

Вот для них на «промысел-добывание» он и поехал, да ещё за городскими новостями.

Далеко впереди показались огни.

– А тебя как по батюшке кличут? – спросил Мишка и оглянулся.

– Александром Петровичем!

– Да как вот, Петрович! Глянь, во-она вдаль, по леву руку! Вишь, огни?

– Вижу, а что там?

– А ты не понужай! Это Черемховские копи, угольные. Самые что ни на есть красные. Тут тракт от них боком проходит, а вёрст через тридцать дорогу-т пересекает, а дале уже Иркутск, тожеть красный! Мне туды надоть, в городе дело есть, но там я с тобой, даже ежели ты шинелишку скинешь, не проеду. Так-то! Тама ваши третьего дни красным сильно навалили, да не остались, ушли...

Александр Петровичу вдруг стало досадно: «Чёрт бы тебя побрал! Ехали-ехали!..»

– На другие сани тебя пересадить – не возьмут, все полнёхоньки, сам видишь. К чехам тебе надоть – красные к ним в вагоны не суются! Ты же немец, по-ихнему талдычить умеешь?

– Умею!

– Подъедем, ты и договорись. Прикинься только не ахвицером, а так, городским каким, мол, жену с робятишками догоняешь, кумекаешь? А там что Бог даст, а я тебе рыбки для них подкину, полмешка, и бекешу дам, каку получше, городскую, даром, что ли, выменял?

– Хорошо, Михаил! – сказал Александр Петрович и замолчал. – Ты выручаешь меня, а я не знаю даже, смогу ли я тебя отблагодарить...

– На Бога надейся! Бог приведёт – тада и отблагодаришь!

Часа через два тракт упёрся в переезд через железную дорогу, по которой вплотную медленно катились составы. Лошадь встала за чьими-то стоящими впереди санями, и Мишка съехал на обочину.

– Ну вот! Сейчас я ему сенца подкину, всё одно стоять незнамо сколь, а ты прощай, а можа, ещё и свидимся.

Мишка вытащил из-под Адельберга мешок с овсом и пошёл подвешивать его.

– Иди, Петрович! Долгие проводы – горькие слёзы.

Адельберг слез с кошевы, закинул мешок с рыбой за плечо, зашагал по утоптанному тракту к переезду и вдруг из-за спины услышал Мишкин тихий голос, так близко, как будто бы Мишка шёл за ним и шептал прямо в ухо: «А Колчака тваво, абмирала, краснюки то ль вчера, то ль позавчера расстреляли да в Ангару и скинули, прямиком под лёд, так что, Петрович, будь настороже!» Александр Петрович вздрогнул и оглянулся: справа от него стояла вереница саней, на которых сидели люди и почти не шевелились. Мишки близко не было. «Неужели слышалось?» Он постоял и двинулся дальше. «Расстреляли!» – снова услышал Адельберг Мишкин голос. «Да нет, ерунда! Как это может быть и откуда ему знать?» Он поддёрнул лямки мешка и обтопал с сапог снег.

Впереди в темноте, на фоне медленно катящихся без огней вагонов угадывалась полосатая будка и чернел дом путевого обходчика, он подошёл к будке: та была пуста, шлагбаум открыт, и он увидел, что в доме обходчика все окна и двери заколочены досками. «Мертвечина!» – мелькнуло в его голове. Он снял мешок, развязал его, вытащил оттуда рыбину хвостом наружу и снова завязал в расчёте на то, что, если увидят рыбий хвост, можно будет завязать разговор и напроситься в вагон, и пошёл вдоль железнодорожного полотна.

Глава 2

Адельберг шёл рядом с медленно катившимися, наглухо закрытыми вагонами. Он думал о германской войне, когда солдаты австро-венгерской армии, чехи и словаки, в Галиции, на Юго-Западном фронте, сдавались в плен и сами выдавали русским «братьям-славянам» расположение своих частей, рассказывали о желании освободиться от австрийского императора и построить свою свободную Чехию, просились в строй... Вспомнилась их ненависть к австрийцам, немцам, а особенно к мадьярам.

«Нет! Тут Мишка дал мне неверный совет. Немцем представиться мне никак нельзя!» Он полез в нагрудный карман френча и нащупал там справку на имя тверского губернского статистика Александра Петровича Кожина: «Вот это будет лучше!»

Адельберг посмотрел вперёд и увидел, что в следующем вагоне из приоткрытой двери на снег падает и мелькает узкая полоска света, и вдруг из неё в черноту ночи, кувыркаясь и сверкая искрой, вылетел окурок.

«Сейчас закроют, и уже будет не достучаться», – подумал он и увидел, как полоска света стала сужаться, видимо, в вагоне уже докурили и стали закрывать дверь.

Он побежал, догнал вагон, грохнул кулаком в стенку и громко закричал:

– Эй, брате, есть рыба, если «Бехеровки» глоток нальёте, отдам полмешка!

Дверь поехала обратно, и в светлом проёме показались две головы:

– Откуда пан знает про «Бэхэровка»? Я за глоток «Бэхэровка» сам полвагона отдам!

Надо было быстро что-то соображать.

– А водки или самогона? Замёрз, уже ног под собой не чувствую!

– А откуда у пана рыба?

– На тракте на серебряный портсигар выменял. Рыба, сказали, байкальская, хорошая.

– Рыба – это, пан, добре, но краше было б, чтоб портсигар остался у пана. – И дверь снова поехала.

– Постойте, брате, пустите хотя бы отогреться, я вашим братьям много в Галиции помогал.

– Когда, пан?

– В июле шестнадцатого и позже тоже. – Адельберг старался говорить быстро, при этом он так же быстро шёл и уже начал задыхаться.

– А где?

– В Галиче, Станиславе, Надвурне!..

– И что пан там делал?

В этот момент вагоны загремели, задрожали и резко остановились. Раздвижная, на роликах, тяжёлая дверь дрогнула и покатилась, полностью открыв проём: на пороге стояли двое мужчин в белом исподнем, в австрийских каскетках и в валенках.

– Пан, прыгай и мешок не потеряй!

Адельберг ухватился за порог вагона и почувствовал, как руки сверху ухватили его за плечи бекеш и мешок, и испугался.

«Сейчас сорвут с меня всё и вытолкают вон!»

– Не бойся, пан, нам ни рыба, ни шуба твоя не нужно, прыгай швидче! Мороз!

Адельберг сильно оттолкнулся от земли и закатился на деревянный пол теплушки, передохнув, сел, поправил на коленях полы бекеш, поддёрнул веревочные лямки мешка и поднял глаза.

«Пусть делают что хотят! Не уйду!»

– Как пана по имени?

Над ним стояли двое рослых мужчин и глядели в упор.

Адельберг набрался духу и громко выпалил:

– Кожин Александр Петрович! Начальник штаба 1-й Заамурской бригады Юго-Западного фронта, подполковник. На статской службе...

– Пану не надо так кричать! – сказал один из них. – Пусть пан встанет и... – И он показал на роскошное ампирное, обитое розовым шёлком, с подлокотниками кресло, которое стояло рядом с дверью, – сядет тут! Вон здесь! – И подал руку.

Адельберг встал:

– Мне неудобно, чистое кресло, а я в санях сидел...

– Это ничего, пан Божин, запачкаем, выкинем, у нас ещё есть!

Адельберг огляделся, он слышал, что чехи везут с собой много всякого добра, но в этом вагоне!..

– Садитесь, пан Божин! Вацлав, ты слышал, какая у пана фамилия, Божин! Какая красивая фамилия! Это от слова «Бог»?

Адельберг понял, что оказался обязанным ошибке их слуха, и решил – раз Божин, значит, Божин.

– Да, брате!

– А как пан Александр оказался в этот медведь-угол?

– Пробиваюсь к своим.

Чех насторожился:

– К своим, в бригада?

– Нет, к своим – это к семье.

– А где у пана семья?

– Семья у меня в Верхнеудинске, год назад я отправил их из Москвы, у моей жены отец – верхнеудинский рыбопромышленник.

– Тут рыба, там рыба, пан так любит рыба?

Первый чех с хитрецей подмигнул второму, которого назвал Вацлавом.

Адельберг тоже улыбнулся:

– Здесь всё держится на рыбе. Да на золоте.

Чехи переглянулись.

– Так, может, у пана Александра есть тут родственник золото... как это... промышленник?

Адельберг понял, что сказал лишнее, в это время оба чеха, Вацлав, который был помоложе, и второй, имени которого Адельберг ещё не знал, подошли к нему вплотную. Стоя рядом с креслом, недалеко от двери, он прикинул, кого бить первым и как быстрее оказаться у дверного проёма, но в этот момент вагон снова сильно дёрнуло, и чехи почти повалились на него. У двери стволами к стене стояли два бельгийских пятизарядных маузера с примкнутыми штыками, до них можно было дотянуться, но от толчка они тоже повалились. Адельберг воспользовался замешательством и быстро вынул из мешка торчавшую рыбину.

– Золотом мои родственники не промышляли, а рыба – вот она.

Чехи, ещё пошатываясь после толчка и держась друг за друга, неловко улыбнулись и представились:

– Ефрейтор другий драгунский полк Войтех Лебеда.

– Рядовой саперный команда 5-й пехотный полк Вацлав Коллар.

Адельберг подал им руку:

– Та война закончилась, брате, сейчас другая война, и мы все – просто солдаты! Были!

– Ано, пан подполковник, ано! Были! – И они закивали.

– Так, может, разделите трапезу с солдатом?

– Можно, пан Александр!

Войтех и Вацлав пододвинули к креслу ломберный столик орехового дерева и рядом поставили ампирные стулья, обитые таким же розовым шёлком.

«А гарнитур, видимо, из одного имения или, по крайней мере, от одного мастера!» – подумал Адельберг.

– Пан Александр – добрый пан, за рыба спасибо, но мы его угостим из наших запасов. – И чехи стали протискиваться в глубь теплушки, между тесно поставленными ящиками, свёртками, мешками и мебелью.

В вагоне было тепло, Адельберг снял бекешу, накинул её на спинку кресла и с ужасом заметил, что на его френче остались полковничьи погоны, но чехи были заняты и на него не смотрели, он их быстро отстегнул и растолкал по карманам.

Теперь он мог оглядеться.

Вагон-теплушка освещался двумя керосиновыми лампами, висевшими на противоположной от двери стене. Они горели ярко, достаточно, чтобы можно было разглядеть, что в углах вагона диаметрально друг к другу расположились два прикрытых плотными холстинами рояля, под ними стояли снарядные ящики; рядом с роялями вплотную к стенам были того же орехового дерева, как и ломберный столик, застеленные шёлковыми одеялами кровати с шёлковыми же подушками; друг на друге ножками вверх нагромоздились стулья; на роялях, в некотором порядке, красовались бронзовые и мраморные настольные лампы, каминные часы и много других дорогих безделиц, которым или не хватило места в снарядных ящиках, или они были поставлены на виду, как в городской гостиной, чтобы радовать глаз своим новым хозяевам.

Вацлав и Войтех порывлись в больших плетёных бельевых корзинах и вытащили из них несколько свёртков, каждый – свой. Через несколько минут столик был накрыт английскими мясными консервами, головкой сыра, берестяным туеском с морожеными ягодами и чем-то ещё в промасленной газете, пока не развёрнутой, но от чего хорошо пахло копчёным мясом или колбасой. Поставив всё это так, что уже не хватало места, Войтех и Вацлав снова отправились к своим корзинам и вынули оттуда, приятно звякнув, высокие хрустальные гранёные стаканы и серебряные приборы в наборе, потом Войтех спросил Вацлава:

– Сегодня, чей очерёд?

Вацлав сказал:

– Моя! – и вытащил четверть, заткнутую настоящей пробкой.

– Это, пан Александр, конечно, не «Бэхэровка», но пить можно!

Всё это они делали медленно, размеренными, уверенными движениями людей, давно обживших своё жилище на колёсах. В четверти была прозрачная жидкость красноватого оттенка, и на поверхности плавали тёмно-красные ягоды.

– Мы, пан Александр, дома это не пьём. Это чистый спирт, с ромашкой...

– Морошкой, наверное, – предположил Адельберг.

– Ано, пан Александр, – то есть правда! С морошкой. Нас тут научили!

– А правильно пить научили? Чистый спирт!

– Думаю, что научили, но, може, пан умеет это делать краще?

– А вода есть?

– Конечно! Мы растаем снег, – сказал Войтех и указал на стоявшую на кирпичях, закреплённую в центре теплушки буржуйку.

«Как всё домовито! – невольно подумал Адельберг. – Всё есть и всё на своём месте!»

– Но вода должна быть холодной!

– Ано, пан Александр, ано, есть и холодный вода.

– Ну тогда будем делать гидратацию спирта.

Адельберг взял пустой стакан, Войтех вытащил из четверти пробку и передал бутылку, Адельберг налил в стакан немного спирта, долил туда столько же воды и плотно накрыл стакан ладонью.

– Что то будет, пан Александр?

– Чистый спирт сжег, – он поискал подходящее слово, – убил ягоду, которую вы бросили в него.

Чехи переглянулись.

– Сейчас вода её немного разбудит, и у нас получится что-то вроде ягодной настойки. А ладонью я накрыл для того, чтобы быстрее прошла температурная реакция. – Он поднял стакан и дал потрогать его Вацлаву.

– Ано, пан, правда, стакан тёплый. И так надо делать каждый раз?

Адельберг улыбнулся:

– Если есть пустая бутылка, можно развести сразу целую и на небольшое время оставить её на морозе.

– Пан химик?

– Нет, но на фронте чему не научишься. У меня был вольноопределяющийся, учитель химии, он научил. Теперь можно разливать.

Войтех развернул газету, там действительно оказалось копченое мясо, поднял с пола маузер, отстегнул штык и открыл банку с консервами.

– Я люблю, когда человек умеет делать что-то своими руками, я делаю мебель, а Вацлав работал в типография. – Он посмотрел на своего товарища: – Вацлав, давай выпьем за такое приятное и неожиданное знакомство с паном Александром Божин, и за его жену пани Божинову, и его дети. У пана есть дети?

– Да, сын!

– Наздар! За ваша семья и за ваш сын!

Они подняли стаканы, чокнулись, потом вдохнули полные лёгкие воздуха, зажали пальцами носы, выпили и шумно выдохнули.

– Это уже не спирт, это водка, настойка, – с улыбкой сказал Адельберг и выпил свой стакан без предосторожностей.

Чехи задумчиво глядели на свои пустые стаканы и чмокали губами.

– Отлично! Водка! Правда, водка, и приятно пахнет ромашкой!

– Морошкой, – с улыбкой поправил Адельберг.

В это время впереди по ходу поезда раздалась ружейная и пулеметная стрельба; чехи переглянулись, Адельберг переломил пополам галету, хрустнул ею и сказал:

– Трехлинейка и «гочкис», наверное, впереди Черемховские копи...

– У нас информация, пан Александр, в том посёлке много красных рабочих, а дальше Иркутск, – сказал Войтех; чехи утёрли ладонями губы и стали выбирать, чем закусить.

В теплушке было покойно и тепло, поезд шёл медленно и ровно, без толчков; случайная стрельба, которая иногда звучала извне, им, людям, прошедшим войну, была привычна. Адельберг успел присмотреться к Войтеху и Вацлаву; видя, как они мирно выпили и закусывают, он вдруг ощутил сильное желание спросить про Колчака, про обстановку вообще и про всё, что он пропустил, пока плёлся со своим эшелонном в хвосте событий и сидел в каталажке, но что-то его удерживало. Он подавил в себе это желание и, только чтобы поддержать разговор, задал вопрос:

– Разве у вас с красными нет договоренности?

– Как – нет? Конечно есть! Но иногда они хотят нас немного грабить! Им не хватает огнеприпасов...

– Снаряд и патроны... – пояснил Вацлав.

– ...чтобы окончательно разбить вашу белую армию, – продолжал Войтех.

– У них на восток нет армия, есть только рабочие отряды и партизаны, – снова пояснил Вацлав.

– ...Потому между нами влаки есть бронепоезд, для безопасность.

– А большевики проверяют ваши вагоны?

– Попытка делают, но мы не позволяй!

– А если силой?

– У нас тоже есть сила! Пан опасается?

– Я хочу встретить семью и не хочу, чтобы этому что-то помешало.

– Пусть пан Александр ничего не опасается, пан наш гость, и мы его в обиду не дадим.

Но у пана Александра нет другой вопрос? Пан не хочет знать про Колчак?

Вопрос был неожиданный, буквально минуту назад он сам хотел его задать; он хотел ответить «Хочу!», но только кивнул.

– Колчак арестовали большевики, он сейчас в Иркутск, а генерал Каппель умер от... – Войтех постучал себя кулаком по груди, – инфлюэнца и... – и показал на свои ноги около ступней, – мороз ноги!

Адельберг посмотрел на Войтеха, потом на Вацлава, тот согласно кивнул и тоже провёл по воздуху около своих ног ниже колен ребром ладони. Адельберг перестал жевать.

«Господи, неужели же это был... я слышал... голос Мишки? Но он сказал, что Колчака расстреляли! – пронеслось у него. – А как же?...» Он хотел спросить Войтеха, но тот его перебил:

– Мы ничего другой не знаем, мы простой вояку! Но... – Войтех горько усмехнулся, – Россия велика страна, и у неё есть ещё много храбрых генералов. Пусть пан делает ещё одну гидру... спирт, мы вспомним ваших генералов! Потому что они были и есть – поэтому мы сейчас едем домой!

Адельберг не заметил, как Вацлав подоткнул ему под край тарелки пачку сигарет, но почувствовал запах табака; Вацлав забрал её и снова подоткнул уже открытой. Адельберг закурил и стал разводить спирт, чехи смотрели на него, когда всё было готово, они взяли стаканы и не чокаясь выпили. Пока закусывали, тоже молчали и что-то подкладывали в тарелку Адельбергу, он этого почти не замечал, ломал пальцами галету, потом вздрогнул, выпил и обвёл взглядом обоих. У него внутри что-то всколыхнулось, он продолжал грызть галету и вдруг спросил:

– А почему вы не с красными, вы ведь тоже рабочие?

Войтех с Вацлавом переглянулись, Войтех взял бутылку и налил всем по половине стакана:

– Потому что у них своя революция. Руссове панство ничего нам не сделало плохо, а со своим панством мы едем разбираться.

– Вы тоже будете делать революцию? – спросил Адельберг.

– Нет! Германская империя и Австрийская империя терпели поражение, и мы будем делать новую, свободную Чехию. Так нам говорит наш Национальный комитет. С красными много венгры, мадьяр, нам с ними не по пути.

Войтех сказал это медленно, тихо, без интонаций и чокнулся с Вацлавом.

«Наверное, я веду себя неосторожно!» – подумал Адельберг, но всё же спросил:

– А вы думаете, вам удастся это сделать без революции?

– У пана Александра больная душа! – Войтех посмотрел на своего товарища, и Вацлав ответил ему таким же взглядом:

– Мы видим, что в России происходит! Как много нарушений!

– Разрушений! – поправил Адельберг.

– Ано, пан Александр, ано, разрушений! – Войтех говорил медленно и иногда помогал себе такими же медленными жестами. – Но наша страна очень маленькая и очень красивая, и мы так не хотим. Каждая страна должен быть свой хозяин. Пусть пан делает ещё одна гидра... – он посмотрел на Адельберга, – революция.

– Гидратация! – Адельберг почувствовал, как напряжение стало спадать: «В самом деле, чего я к ним? Они простые «вояку», надо сказать им спасибо за то, что они пустили меня, да ещё и кормят, и угощают, и рассказывают что-то!»

Он налил воды, накрыл стакан ладонью и почувствовал, как её всасывает внутрь.

– Руссове народ – хороший народ, славяне, братья, – сказал Войтех, он вёл себя в теплушке как старший, по-хозяйски, но на равных, и Вацлав, который был моложе Войтеха, с достоинством ему подчинялся. – Отличная гидратация! Я догадался, чем пан занимался на фронте, – сказал Войтех, обращаясь к Вацлаву. – Пан Александр делал сортировку из нас военнопленных. Поэтому, Вацлав, мы сейчас живые и отступаем домой. Поэтому пану Божиному – наздар!

– Если так будем отступать, летом будем дома! – сказал молчавший до тех пор Вацлав, и оба засмеялись.

– Благодарю вас! – сказал Адельберг, он вдруг почувствовал голод, и его рука потянулась к большому куску толсто нарезанной копчёной говядины.

– Пану надо много покушать. – Войтех встал со стула, достал из своей корзины красивую, с перламутром десертную тарелку и вывалил в неё из банки тушёнку. – Отлично! Выпьем эту рюмку за нашего «Бэхэровка».

Вдруг Адельберг оторвался от еды, он не поверил своим ушам, когда откуда-то до него донёлся женский смех, он посмотрел на чехов и понял, что с ума он не сошёл.

– У нас весёлые молодые соседи...

– И соседки, – сказал Вацлав, и оба снова рассмеялись.

Поезд катился медленно, рывками, то ускоряясь, то притормаживая, то останавливаясь совсем. Во время одной из таких остановок за дверями снаружи, сначала издали, а потом всё ближе и ближе, слышались голоса. Они приближались, уже можно было различить слова, и вдруг в стенку чем-то ударили, как понял Адельберг, прикладом винтовки.

– Знов проверка, – сказал Войтех, – сейчас начнут кричать.

И правда, из-за двери быстрой скороговоркой что-то закричали по-чешски, Адельберг разобрал только одно слово «Позор!», он знал, что по-чешски это означает «Внимание», и посмотрел на своих соседей.

– Пан Александр можно не беспокоиться, пан – гость.

«Гость! – подумал он. – И ведь правда гость, напрасно я на них вспылел».

Вацлав встал, взял маузер, загнал патрон, в это время Войтех с револьвером немного приоткрыл дверь, несколько рук с той стороны ухватились за край и сильно потянули её, двое в австрийских шинелях с погонами на плечах и в меховых шапках мигом заскочили в вагон.

Чехи опустили оружие.

– Свои, – сказал Войтех.

Вошедшие были офицерами, они быстро говорили, перебивая друг друга, Войтех налил обоим по стакану спирта, но они отказались. Из их речи Адельберг смог разобрать несколько слов: «Колчак», «чрвэны», «позор», «большевик», «Иркутск». На него они не обратили внимания, и только перед тем, как прыгнуть, один из них, старший, ткнул в его сторону пальцем и сказал: «Иркутск». Через четыре или пять минут в теплушке снова остались только они трое, как будто никто не заходил, только удалялись вдоль вагонов голоса и всё глуше слышались удары прикладом в двери. Однако после появления чешских офицеров настроение изменилось: Войтех, Вацлав и Адельберг с ними выпили чистого спирта, и Войтех предложил: «На покой».

– Пан устал, и мы пана будем дожить спать!

Александр Петровичу была предложена раскладная походная кровать, пара чистого шёлкового белья: «Чтобы вошки не было!», потом Войтех добавил: «Отлично!» – и все улеглись.

«Как там Мишка?» – почему-то подумалось ему, и сразу представилась холодная, до костей, темень, накрывшая всё на многие сотни и тысячи вёрст вокруг.

Адельбергу показалось, что он сразу заснул, а когда проснулся, понял, что это был не сон, а провал, на короткое время, потому что чехи ещё переговаривались, потягивались и зевали. В теплушке было душно, хотелось приоткрыть дверь, но сделать это было нельзя, хозяева теплушки ехали так каждую ночь и, скорее всего, уже привыкли спать в духоте.

«Вот тут у них непорядок – в тепле должны быть ноги, а голова – в холоде!»

Через короткое время из переднего угла вагона стал доноситься храп, это был Войтех. Он храпел мощно, перемежая густые басы подсвистом и губным хлюпаньем, так храпят русские, когда упьются прямо за столом и там же и заснут, отвалившись на спинку стула или съехав на бок в глубоком кресле.

«Ну, теперь до утра!»

Вагоны трясло, они то ехали, то стояли. На остановках за стенкой были слышны шаги пробегающих людей, выкрики, по-русски и по-чешски, иногда отдалённо грохали винтовочные выстрелы и короткие пулемётные очереди.

«А вот этот из берданки!»

Адельберг снова вспомнил про Мишку.

«Интересно, а на какой бы он оказался стороне? – подумал он и тут же готов был хлопнуть себя по лбу. – Вот так, Александр Петрович! Ты уже совсем перестал соображать! На какой бы он оказался стороне? Ни на какой! Он на своей стороне!»

В заднем углу вагона послышался сдавленный кашель.

«Вацлав, что ли, не спит?»

Вагоны, до этого только лениво толкавшиеся, вдруг зацепились друг за друга, от головы к хвосту пулемётной очередью прозвенели сцепками, сначала приближаясь, а потом удаляясь; состав как струна натянулся и начал медленно набирать скорость. Адельберг почувствовал, как по теплушке повеяло прохладой, он подобрал откинутое одеяло, тело перестало ощущать липкую мерзость духоты, и шум колёс начал заглушать храп Войтеха. Захотелось повернуться на бок и уже ни о чём не думать, но тут в голову снова пришла мысль о Мишке, она ещё не успела развиться, как в углу, где был Вацлав, снова раздался кашель. Адельберг услышал, как тот сел на кровати, ударил себя кулаком в грудь и попытался глубоко вдохнуть, вместо этого получилось сипение, и снова послышался свистящий, выдавленный кашель. Адельберг встал и в полной темноте начал пробираться между ящиками. Вацлав, в светлом исподнем, на фоне белого постельного белья, выделялся в темноте, он сидел с опущенными на пол босыми ногами и обеими руками разрывал на груди рубашку.

«Что это – тиф или инфлюэнца? – с ужасом подумал Адельберг. – Надо будить Войтеха!» И обернулся, но тот уже сам пробирался к Вацлаву, и Александр Петрович услышал, как спички чиркают о коробок. Наконец зажёгся слабый свет, это Войтех добрался до лампы на стене. Вацлав сидел, держал обеими руками разорванные края рубахи и смотрел в одну точку немигающими мутными глазами.

– Так уже было?

– Нет! Я не знаю. Надо звать врач!

Глава 3

Мишка, как только «их благородие» соскочил с кошевы, подвесил лошади мешок с овсом и хотел сказать своему попутчику о том, что слышал новость, но не знает, насколько она верна, что адмирала Колчака расстреляли. Однако он только увидел на фоне белого снега удаляющуюся быстрыми шагами фигуру в чёрной бекеше и махнул рукой: «Сам дознается и будет настороже. Не дитя малое».

Уже несколько часов обоз стоял, упёршись в железнодорожный переезд. Мишка было попытался заснуть, пристраиваясь и так и так, но сон не шёл. Тогда он подумал, что есть время переложить поклажу, и стал развязывать ближний мешок, тот был с рыбой, и в стоячем морозном воздухе здорово пахло копчёным.

«Надо завязать, нечего народ дражнить!» – подумал он и почувствовал, что кто-то ухватил и сильно потянул его за плечо.

– Где разжился, дядечка? – Голос сзади был хриплый и густо пропитанный махорочным духом.

Мишка успел зацепиться левой рукой за борт кошевы, правой выхватил уложенную под ним берданку и не оглядываясь двинул прикладом назад. Голос сдавленно охнул, рука отпустила плечо, но тут Мишка почувствовал сильный удар в поясницу и повалился в кошеву. Падая, он развернулся и не целясь выстрелил в стоящую за спиной фигуру.

Нападавших оказалось двое, оба лежали на снегу, один пытался разогнуться и отползал от Мишкиных саней, другой корчился на месте, заряд попал ему ниже подбородка, и человек, хрипя, но молча, отплёвывался большими чёрными брызгами.

«Ща порвут!» – подумал Мишка, однако в стоявших рядом санях никто не пошевелился. В это время эшелон, перегородивший переезд, дёрнулся и, тихо набирая скорость, пошёл в сторону Иркутска, потом, вплотную к первому, прошёл ещё один и ещё, потом переезд на несколько минут освободился, и со стороны железной дороги, откуда-то издалека, от Черемховских копей, донеслось несколько винтовочных выстрелов и пулемётная очередь.

Обоз зашевелился и тронулся, сани перемешались на дороге, все спешили вперёд. Так же неожиданно, как пошли составы, началась метель, Мишка вскочил в сани и сильно ударил вожжами. Напавшие на него – один отполз, другой затих и так и остался на обочине, но Мишка в их сторону больше не смотрел.

Глава 4

Состав шёл быстро. Адельберг понял, что уже вот-вот Иркутск; было понятно и то, что оставаться с легионерами больше нельзя, так сказали проверявшие состав офицеры. В свете керосинки Войтех тёр полотенцем грудь своего товарища, остро пахло уксусом.

– Войтех, спасибо вам за всё, но от меня пользы не будет, поэтому дальше я постараюсь добираться сам.

Поезд стал замедлять ход.

– Ано, пан Кожин! То есть правда ваши слова! Я не желал вас огорчить, но ваш Колчак расстреляли. – Войтех сказал это, не переставая тереть грудь Вацлава. – Вперёд через четыре вагона есть санитарный вагон, если мы будем стоять, скажите, что нужен врач.

Адельберг, уже одетый, с закинутым за плечо мешком, успел немного откатить дверь, в слабой полоске света он не увидел ни шпал, ни земли, мимо горизонтально летел снег и норювил залететь в вагон; он задержался на секунду и хотел переспросить, правда ли, что Колчака... но услышал злой голос Войтеха:

– Закрывайте дверь, скорее прыгайте, пан полковник Кожин!

Он спрыгнул.

Земля оказалась близко. Адельберг коснулся её ногами и покатился, стараясь удержать на плече мешок; через секунду он осмотрелся и удивился, что не ударился и ничего себе не сломал. Он встал и почувствовал, как уплотнённый снегом ветер подхватил его со спины и начал толкать вперёд в том же направлении, куда двигался начавший набирать скорость состав.

Он шёл уже час и думал, почему Войтех, который, как оказалось, правильно расслышал его фамилию и разглядел погоны, называл его не Кожин, а Божин: «Наверное, за полгода пути они успели надоесть друг другу, и им захотелось обновить компанию!» – это был единственный ответ, который пришёл ему в голову.

Идти было тяжело. Сильная метель меняла направление и дула то в спину, то подхватывалась откуда-то сбоку, то хлестала по лицу и не давала открыть глаза. Мимо, разогнавшись, мчались почти без промежутков состав за составом, и он с сожалением думал о том, что не смог догнать четвёртый вагон и сообщить врачам о заболевшем Вацлаве.

Изредка освещаемый летящим светом вагонных фонарей, он шёл, с трудом переставляя ноги, улучив момент, когда между эшелонами появился просвет, перешёл на другую сторону, пытаясь под прикрытием вагонов проскочить городской вокзал, и оказался на окраине какого-то посёлка, потом снова перешёл на эту сторону, пустынную, незастроенную и поэтому, как ему казалось, более безопасную. Снег, уже не важно, с какой стороны, летел, слепил глаза, лез за воротник, набивался в шерсть отворотов бекешки, соприкасался там с кожей и противно таял; мороз, по ощущениям, стоял под тридцать, но Адельберг шёл уже долго, разогрелся, был сыт и старался не обращать внимания на эти мелкие неудобства. В его голове сидела мысль о том, что после того злополучного случая на станции Тайга, когда ему поручили сопровождать вагон с золотом, всё пошло не так; это всё и предопределило: и то, что он сейчас один, и эту непроглядную метель, и ещё черт его знает что, и эти новости, которые он услышал сначала от Мишки, а потом в вагоне от чехов. Под сапогами скрипел снег, а под ним гравий насыпи; стуча на рельсовых стыках, рядом шли эшелоны, звуки, рождаемые окружающим миром, попадали в ритм с подвывающим из-под колёс ветром и ритмом его шагов, и от этого в голове пульсировало: «Колчака расстреляли! Колчака расстреляли! Каппель умер! Каппель умер! Да здравствует Каппель! Господи, что я несу, какой-то бред! Но Каппель действительно умер, а Колчака расстреляли, если верить... Мишке... и чехам! А как не верить? Идиотизм! И его так много! Только ты не успеваешь об этом подумать!» Полтора месяца назад или около того, когда проходили Новониколаевск, на здании вокзала и в городе на стенах домов он увидел раскле-

енные плакаты с приказом главнокомандующего белыми войсками генерала Сахарова о «героическом поступке» генерала Войцеховского, застрелившего за неисполнение приказа генерала Гривина. Текст приказа главкома и без того был разослан телеграфом по всем штабам, но зачем было вывешивать его в городе и забивать этим головы тех, кто и так не знал, куда деваться: оставаться под нож красных или лезть под пулю белых. «Вот это действительно идиотизм!» Потом самого Сахарова отдали под суд за «идиотскую», любимое словечко в войсках, сдачу Омска, набитого продуктами, тёплой одеждой, военным снаряжением и всем тем, чего стало так не хватать...

Ветер, видимо соединив свои усилия с набравшими скорость вагонами, так сильно толкнул его в спину, что он чуть не упал и вовремя отдернул руку, которая по привычке потянулась к вагонам ухватиться за что-то прочное; он припал на колени и упёрся руками в чёрные, под тонким слоем сметаемого снега, камни гравия железнодорожной насыпи.

«Чёрт побери!» Он сбился с мысли.

А Омск, несмотря на наступающих красных, до середины ноября жил спокойной жизнью, уверенный в том, что его никогда не сдадут. Волноваться начали только тогда, когда канонада была уже слышна, а Иртыш ещё не встал. И надо же было случиться такому чуду, что он замёрз за одну ночь, за момент до того, когда думать об отступлении было бы поздно. Отправляя штабной состав на восток, Адельберг проезжал мимо начавшихся переправ по ещё опасливому льду и почувствовал болезненную жалость к тем, кто оказался в этой ситуации вот так – вдруг. А теперь чехи, молодцы, правильно сделали, что воспользовались моментом и заняли всю железную дорогу до самого Владивостока. Белое Омское правительство борется за власть с белым Самарским правительством, хотя надо вместе бороться против большевиков! Три армии возглавляют трое главнокомандующих, хотя нужен один! Владимир Оскарович Каппель рекомендует Александру Васильевичу Колчаку не отделяться от своих войск, а Колчак отвечает на это, что, мол, «не стоит беспокоиться, голубчик, меня изрядно охраняют союзники!».

«Вот тебе и союзники, прав был Мишка, он только слова, наверное, этого не знает – «идиотизм»!»

Мысли, отгороженные от внешнего мира плотной метелью, пульсировали в голове в такт с шагами, он даже не заметил, как пересёк по льду какую-то речку, какой-то приток Ангары, только услышал, как замороженные железные колеса над его головой прогрохотали по замороженному железному мосту. Поднявшись на невысокий берег, он вдруг краем глаза увидел сквозь метель слева огни – ошибиться было трудно: «Иркутск! Неужели!»

Внезапно возникший город отвлёк: «Почему только сейчас? Он должен был остаться у меня позади!» Он прошагал ещё сколько-то вперёд – вроде всё правильно: справа железная дорога, слева берег Ангары и ещё дальше – через реку другой её берег, городской, но он должен был остаться за спиной.

«Неужели я ещё не миновал вокзал? Тогда беда!»

Адельберг остановился и попытался понять, где он находится; он повернул назад и вышел на берег притока, через который только что перешёл, и понял, что это был не просто приток, а Иркут, который впадал в Ангару ниже по течению; и сейчас он стоит, наверное, в самом опасном месте, где только мог оказаться, – впереди был вокзал, где наверняка на каждом углу – красные караулы, значит, вперёд нельзя.

Он остановился.

«Как они будут отрываться от красных? Как пойдут? По тракту или вдоль железной дороги, напрямиком на Байкал? А как же ещё? – Он немного постоял и решил: – Надо перейти Ангару и выйти на юго-восточную окраину города!»

Александр Петрович почувствовал усталость, он догнал и уцепился за поручни никем не охраняемой площадки проходившего мимо тёмного, казавшегося мёртвым вагона; он увидел,

что метель шла низом, огни города стали ближе, он постоял на летящей площадке несколько минут и соскочил.

* * *

Ангара оказалась неожиданно узкой. Адельберг быстро её пересёк и начал подниматься на городской берег, заросший чёрными, оголёнными ветром кустами. По левую руку сквозь плотные заряды снега он разглядел вмёрзшую в лёд пристань.

«Рыбная, что ли?» Он решил проверить догадку и пошёл к ней. Это оказалась действительно городская Рыбная пристань, он её узнал, значит, он отвернул от железной дороги всё же слишком рано.

«Может, удастся пройти через город? На льду я буду слишком заметен!»

Он по льду миновал пристань, поднялся на берег и оказался у дровяных складов, на которые из города выходила улица.

«Как же её? Дегтярная? Нет, не Дегтярная! – вертелось в голове. – Дёгтевская!» – вспомнил он.

Впервые он оказался в Иркутске в конце девятьсот четвёртого года, когда ехал в Харбин в Маньчжурскую армию на Японскую кампанию, потом бывал здесь много раз.

Он пошёл по улице вдоль чёрных деревянных заборов и сразу наткнулся на намороженную поперёк ледяную стенку, за ней саженей через пятнадцать угадывалась следующая, точно такая же, во всю ширину улицы и высотой в человеческий рост. Одна прилегала своим правым плечом вплотную к заборам и оставляла узкий проход слева, следующая прилегала к заборам своим левым плечом и оставляла узкий проход справа.

«Наморозили баррикады! Изобретательные!»

Он прошёл совсем немного и вдруг услышал крик: «Стой! Стрелять буду!»

Со стороны города доносились приглушаемые метелью выстрелы.

– Стой, сволочь, стрелять буду!!! – донеслось до него совсем близко.

«Нет, через город не пройти!» На его спасение, метель навалилась густо, справа он разглядел проход между заборами и какие-то закоулки, он свернул и по задам снова вышел на берег Ангары.

«Хлопнут ни за понюх табака! И Адельберг будет убит!»

Дальше по дороге вдоль берега он пошёл на юг, его никто не окликал, прибрежные кусты и метель прикрывали его. Пробиваясь через бледную летящую вьюгу, впереди, совсем недалеко, он вдруг увидел что-то высокое, в несколько человеческих ростов, большое, остроконечное и чёрное; он подошёл ближе. «Памятник Александру Третьему!» – узнал Адельберг и вспомнил, как он стоял на Никольской улице со всем своим кадетским корпусом и провожал похоронную процессию – в Москву для отпевания перевезли останки царя. Тогда за огромным катафалком шли военные, духовные и светские в чёрном трауре и золоте: султаны, плюмажи; жара, колокольный звон, единым низким дыханием накрывший всю Москву. И падающие в обморок, которых уносили полицейские.

«Не дожили вы, ваше величество! И слава богу!»

Дорога поворачивала налево, в город, Александр Петрович спустился к реке, в снежных заметях он разминулся с памятником, как будто бы император сам прошагал мимо него, и увидел впереди чернеющее во льду пятно прямоугольной формы: «Полынья или прорубь? Если полынья – придется обходить!» – но, судя по ровным краям и отвалам ледяных глыб, это была прорубь.

«Нашли время рыбу ловить! – почему-то подумал он. – Рыбу! Рыба! – застряла мысль. – Однако всё правильно, наверняка в городе нечего есть! Что за власть, куда ни пришла, везде голод и холод!» Так было в Питере, в Москве и везде, где он был, где красные взяли власть.

Он обошёл прорубь и пошёл дальше. «Рыба, рыба! Прорубь, прорубь!» – отстукивало в мозгу; он отошёл шагов двадцать или больше, и вдруг как будто кто-то ухватил его за воротник и резко остановил.

«Рыба! Какая к черту рыба? Колчака расстреляли и сбросили в прорубь, в Ангару!» Он вспомнил слова Мишки, и тут же они всплыли в памяти дословно: «А Колчака тваво, абмирала, краснюки толь вчера, толь позавчера, расстреляли да в Ангару скинули, прямиком под лёд...»

Адельберг выругался и побежал обратно, его ноги стали скользить, он несколько раз падал, поднимался и снова падал. От берега прорубь находилась в десятке или чуть более саженьей, у её обращенного к берегу края, под свеженаметённым снегом ещё угадывались следы ног. Адельберг забыл про занятый красными Иркутск и смотрел на следы. Он умел их читать, научился у своих егерей; по ним, уже еле видимым, рядом, чтобы не затоптать, он прошёл от проруби до берега и вернулся. Что-то определить было уже трудно, но он всё же различил след каблука. Тот был отчётливо вдавлен, и снег из него выдувала метель; носок сапога был обращен к берегу, а каблук отпечатался на самой кромке проруби.

«Спиной к проруби рыбу не ловят! Неужели здесь? – Теперь, как ему показалось, всё стало понятно. – Неужели судьба водила меня, водила и привела именно сюда?»

Он сел на торчащую большую ледяную глыбину и завыл в голос. А может быть, это не он завыл, а метель как-то по-особенному отражалась переливным протяжным звуком от мертвенного льда Ангары. Какое-то время он сидел неподвижно и по-крестьянски вытирал рукавом воючей бекешей мокрое от слёз, или не от слёз – а от таявшего снега, – лицо.

Силы, которые были в нём всю ночь, пока он двигался к цели, начали оставлять его, он остро почувствовал голод, но не дербанить же Мишкину рыбину прямо тут. Адельберг зачерпнул снег и тут же с отвращением выкинул его. Они топтались здесь, на этом снегу...

Александр Петрович тяжело встал, ноги были ватные и вялые, и он понимал, что если сейчас сядет, то встать ещё раз сил может уже не хватить.

Метель, смазывая подсвеченную восходящим солнцем кромку горизонта, стихала и уходила на юго-восток к Байкалу. Он с трудом добрался под бекешей до луковицы хронометра на толстой золотой цепочке, холодными пальцами нажал заводную головку и открыл крышку – было семь часов пятьдесят минут. Адельберг огляделся и увидел, что находится на окраине города; ещё несколько вёрст, и он выйдет на зимник, который выведет его к Байкалу. И вдруг снова закипела мысль: «Почему я один, почему не со всеми? Умер Володя Каппель, убит Колчак, но живы же Войцеховский, треклятый Сахаров, Вержбицкий, Молчанов. Почему я не с ними?» Он пнул сапогом глыбину, на которой сидел, та неожиданно легко оторвалась, перескочила через другие, поменьше, ударилась о чёрный свежий ледок, пробила его и закачалась на воде. Не думая, Адельберг подошёл к краю, зачерпнул ладонью воды и умыл лицо.

«Вперёд!»

На берег, между дровяным складом и памятником ненавистному царю Александру Третьему, вышли трое мужчин с красными повязками на рукавах.

Первый остановился на спуске, потопал сапогами, утрамбовывая под собой снег и мелкие осколки льда, и посмотрел на юго-восток вдоль берега Ангары:

– О, товарищи, глянь-ка, кто-то на льду телепается! Рыбачок, што ли?

– Ща глянем, что это за рыбачок, – сказал другой, он поравнялся с первым и снял с плеча короткий кавалерийский карабин.

– Не, милай, коротковат будет твой винторез, дай-ка я со своей старушенции попробую, – сказал третий, шедший последним.

– Стоя, с колена, али брюхо морозить будешь? – спросил хозяин карабина и сдвинул на затылок серую солдатскую папаху.

– Пушай пластины брюхи морозят, стоя тоже не с руки, вона кака позёмка ветрит. Я с колена попробую! – ответил третий, верзила в чёрной казачьей папахе, и потянул с плеча за ремень трёхлинейку.

– А можа, не стоит, можа, рыбачок? А, товарищи! – снова спросил первый.

– Тоже мне рыбачок! Помолчал бы, Серёга! Эт небось сам Канпель на крючок Колчака ловит! Рыбачок к нам побежит, а ежели не рыбачок, то от нас, – загородясь от ветра и прикуривая сигарку, приглушенным голосом, с паузами сказал второй. – Давай, Петрович, вонзи ему пониже хлястика.

– Хлястик? Откель ты углядел хлястик, Кешка? Я не вижу! Он же в тулупчике, – удивился Петрович.

– Вот! Посерёдке тулупчика, только пониже малость, и дай, шоб садился и долго свою рыбалку на нашей майне поминал.

Все трое засмеялись, верзила присел на колени, загнал папаху на затылок и, прицеливаясь, затих.

– Тока, смотри, против солнца целишь, да все бело кругом, дистанцию скрадывает, – выдохнул с дымом хозяин карабина, которого Петрович назвал Кешкой.

– Хорош трепаться! – сказал верзила. – За торосами он пропал, не видать его. – Он встал, отряхнул снег, качнувшись, закинул трёхлинейку за спину и скривил губы в шутливо-презрительной усмешке: – Тоже мне грамотей: «Дистанцию!» Ты, Кешка, нешто антилирист, или как?

Не обращая внимания на подначку верзилы, Кешка отдал сигарку Серёге и сказал:

– А я всё ж стрельну. – Он скинул карабин и, стоя, недолго целясь, выстрелил.

Чёрная фигура, которая сажень в ста была видна между торосами, исчезла.

Кешка молча забрал сигарку, затянулся и сплюнул.

– И вся рыбалка! Пойдем, братцы, доложим, что одним контриком меньше стало!

– А можа, всё же рыбачок?

– Вот по весне щука с налимом и разберутся!

Острая длинная пуля в медной оболочке скользнула по гладкому ангарскому льду, разбила в мокрую пыль небольшой торос, потеряла силу, закувыркалась и, тупо ударив и пробив заплечный мешок, зарылась в густую шерсть бекеша. Адельберг почувствовал, как обожгло правый бок, охнул и через секунду услышал выстрел. Он осел на колени под высокую, торчком замёрзшую льдину, спустил лямки мешка и расстегнул бекешу. На лёд выпала пуля, она лежала в маленькой лужице подтаявшей и уже успевшей замерзнуть под ней воды. Не поднимаясь, он поддел её носком сапога, пуля отскочила, Адельберг её поднял, положил в карман и, не оглядываясь, только чувствуя, как под мышкой стало тепло и липко, встал и пошёл дальше.

Он шёл на юг, куда сама Ангара вела его своими берегами. В том, как отступали колонны белых армий, он уже не сомневался, конечно, напрямик на Байкал, конечно, обошли город с юга и где-то, в какой-то точке, вышли на лёд Ангары.

«Надо только добраться до этой точки».

Он вновь почувствовал острый голод, дёрнул плечами, скидывая веревочные лямки мешка, снова зануло и стало липко под мышкой.

«Черт, надо же! – Он плотно прижал локоть. – Ничего, не размямливайся! Подумаешь, царапина! Скользнула и упала под сапог! Надо что-то съесть!» Трясушимися пальцами он развязал замёрзший, тугой верёвочный узел, вытащил за хвост большого, с локоть, омуля, хрястнул его об колени и вонзился зубами в копчёное светло-розовое мясо, от которого слегка отдавало гнильцой.

«С душком!» – вспомнил он особенный байкальский засол. Мелкая чешуя забила рот, но он даже не подумал о том, чтобы рыбу очистить, отдирав зубами от остяка балык и глотал его, почти не жуя. Через минуту в животе заурчало и во рту стало сладко-солono. «Сейчас бы

хлеба или хотя бы стакан холодной воды! – От солёной рыбы пересохло в горле. – Воды, воды, господи, вот же вода!» Он зачерпнул снег, крепко стиснул его в кулаке и почувствовал, как тот превратился в ледышку и между пальцами стало мокро. Талая вода смочила горло, стало легче, руки перестали дрожать, прошла предательская слабость в ногах; Адельберг встал, отшвырнул наполовину ободраный рыбий скелет и добрым словом помянул Мишку.

Глава 5

По запруженному санями, военными упряжками, одиночными конниками и целыми подразделениями тракту Мишка с шага на полшага еле-еле двигался и пытался вырваться из тисков плотно зажавшего его обоза.

Станцию Иннокентьевская, почти не замеченную в продолжавшейся метели, прошёл только к утру.

«Заехать в город! Каки тама новости! Энто едино, кака тама у них власть! Я им не белый и не красный. Я им, – он глянул на свой тулуп, – бурый!»

Перед Глазковским предместьем Мишка съехал на лёд Иркутта и свернул влево. Он проехал под железнодорожным мостом и, оглушённый грохотом проходивших по нему эшелонов, быстро выкатил на лёд Ангары и доехал до того места, где летом с левого на правый берег перекидывали понтонный мост. Вырвавшись из обоза, он сократил путь, а его маштаку было всё равно: шлёпать своими широкими и мохнатыми копытами по накатанному тракту, по льду или по разбитым кривым улочкам Глазковского предместья.

Вся Ангара между Иркутским железнодорожным вокзалом на левом берегу и дровяными складами на городской набережной на правом была укатана санями вдоль и поперёк.

«Ране такого порядка за нет, не было, шоб по Ангаре, да во все стороны! Лихое время, совсем всё поперепуталось. Эхма!»

Понужая лошадь, Мишка пересёк реку, подъехал к Рыбной пристани и въехал на невысокий берег, на заметённую снегом дорогу к дровяным складам.

– Стой, хто идёт!

От угла ближнего дровяника отделились две тёмные фигуры с торчащими вверх штыками.

– Хто идёт, хто идёт! Спроси лучче, хто едет! – недовольно ответил Мишка.

– Ну, хто едет, тожа стой! – И одна из фигур сняла с плеча карабин.

Мишка тряхнул вожжами:

– И чё? Твою мать! Стрельнешь?

– А чё? – громко прокричала фигура. – И стрельну, впервой, што ль?

– И чё будит, коли стрельнешь?

– Чё будит? Ищо один жмур будит! Не веришь?

Мишка не стал препираться, чуть осаживая лошадь, но, не останавливаясь совсем, он медленно приближался к двум караульным с красными повязками.

– Кешка, ты, что ль? – узнал он одного из них.

– Мишка! – Кричавший опустил ствол.

Мишка соскочил с саней и зашагал к тому, кого назвал Кешкой.

– Как-эт ты к карабину штык-то примайстрячил?

– Как? Как? Тебя не спросил! Он тутта на месте, а против белой контры штык не только к карабину примайстрячишь.

Они рассмеялись.

– Ну и чё ты здесья сопли морозишь? Бона борода вся в сосульках.

– Опять чё? Да ничё! Не знаешь, што ли, колода таёжная, што энтой ночью мимо нас беляки на Байкал убежали?

– А мне зачем?

– Как – зачем? Ты с нами али с ими?

– С медведями я! Да с омулем. Ладно молоть, давай-ка – завёртка твоя, а табак мой!

Пойдет така контрибуция?

– Анекция, ещё скажи, грамотей гуранский. Пойдет!

Мишка достал кисет, Кешка вынул из кармана две листовки и подал одну Мишке.

– И давно вы тут?

– С ночи.

– И не помёрзли?

– Хе, «не помёрзли!» Ночью-то кака метель была! Тока-тока улегается! Не, мы в дровянике, тама и печка есть.

– Ну? Так, можа, и кипяток найдётся?

– Найдётся! – сказал Кешка, повернулся к дровянику и, зовя за собой, махнул рукой. – А тебя как черти пригнали?

– Черти не черти, а патронишками бы разжился, – хохотнул Мишка.

– Патронишками?! На што тебе патронишки, к твоей берданке-то?

Мишка, довольный тем, что так неожиданно встретился со знакомцем, достал из саней из-под поклажи карабин:

– Бона, как твой, кавалерский!

Кешка и его спутник рассмеялись.

– Гуранская твоя башка! Кавалерийский! Ну пойдём. Скока тебе патронов?

От неожиданности Мишка остановился: «Эка удача, ежли не шутит!» – и с ходу выпалил:

– А мешок! Я тебе мешок рыбы, а ты мне мешок патронов!

Кешка хмыкнул:

– Прогадал ты, брат! У нас энтих патронов – стока в твоей тайге медведя не ходит!

Мишка не поверил, отвернулся к кошеве и стал укладывать в неё карабин: «Нешто и вправду? Я-т шутковал, а он?..»

Зайдя в дровяник, он огляделся: склад был пуст, от конторки, которая занимала правый угол, саженой на тридцать влево уходили сложенные из ошкуренной лиственницы стены под низким потолком. На реку выходило двое широких ворот, запертых на засовы из толстого бруса. На стенах серебрился иней и свисал с потолка, как старая паутина. Внутри небольшой конторки учётчика стояла железная бочка с выведенной в узенькое оконце под самым потолком трубой; на печке парил полувёдерный медный чайник. Рядом с буржуйкой, на лавке, спиной к стене спал такой же длинный, как сама лавка, укрытый тулупом мужик в чёрной казачьей папахе, напяленной ниже глаз. На рукаве его тулупа тоже была красная повязка.

– Эт наш главный! Петрович! – показал пальцем в сторону мужика Кешка. – Тольки пустой кипяток хлебать придётся, чаю нету!

Мишка, чтобы скрыть своё нетерпение, подтрунил:

– Эх, Кешка, ничего-то у тебя нету и никада и не было, а ишо... поёшь мне про патроны...

Кружка-т хоть найдётся? – спросил он со вздохом, полез в карман и вытащил мешочек, похожий на кисет.

Кешка достал из-за печки большую фарфоровую кружку с отбитой ручкой:

– Кружка-т? Найдётся! На-ка вот! Эта сойдёт?

Мишка взял кружку, бросил в неё из мешочка щепоть сухих трав и ягод и налил кипятку.

– А прикрышка кака?

– Тоже найдётся! – Кешка снова пошарил рукой где-то внизу и подал Мишке фарфоровую крышку.

Мишка повертел её в руках:

– Ни дать ни взять от энтой кружки и есть. – Он посмотрел на Кешку. – Чей барский дом-то ограбили?

– Нету боле барского! Всё наше. И не грабили мы ничево. Учётчика кружка и крышка. Када нам дровяник под сторожевой пост сдавал, сказал, мол, пользуйтесь как своим.

– «Сторожевой пост»!!! – скривился Мишка. – Чё сторожите-то? Реку, что ли, али лёд на реке?.. Чем так сидеть, майну бы проколупали да хоть бы рыбы себе наловили!

Кешка никак не реагировал на Мишкины подначки:

– Майну проколупали ишо вчера, вона под берегом, два ста сажений не будет, дак хто в ней ныне ловить будет, да и чем? Снасть-то дома осталась.

Мишка накрыл кружку крышкой:

– А чё колупали? Под Колчака, што ль?

– Не! Колчака на Ушаковке ухлопали, – сказал Кешка и махнул рукой на север. – Под другого кого – ночью тут ЧК пуляло. Нам приказали, мы и проколупали.

Мишка открыл крышку, и из чашки пошёл мятный с запахом земляники, смородины и брусники дух.

– Дядь Кеш, ты погляди, какой чай получился!

Кешка оглянулся на своего напарника, который на протяжении всего разговора стоял молча и слушал.

– Ну ты, Серёга, даёшь, ни разу в тайге, что ль, не был? Не знаешь, какие там заварки сушат?

– Был с батей, малым ишо. А когда его ремнями задавило на фабрике, больше и не был. С пацанами только, по ближним кедрочкам.

Серёга, молодой парень лет пятнадцати, заросший светлой, ни разу не бритой кучерявостью, горящими глазами смотрел на кружку и тянул в себя поднимающийся от неё сладковатый, ароматный дух.

– Здорово-то как!

– Мишк, ты бы дал ему хлебнуть, что ли, сироте, и давай вали сюда свою рыбу! – Он потопал ногами и вышел из конторки за перегородку.

Паренёк, которого Кешка назвал Серёгой, увидел, что Мишка стал развязывать верёвки принесённого с собой мешка, метнулся в угол и расстелил кусок серого брезента; Мишка вывалил на брезент с тридцать или сорок омулей, и в загородке запахло копчёным. Он возился с рыбой, не поднимая глаз, стараясь скрыть радость и ещё не веря в такую удачу, потом завязал пустой мешок и посмотрел на Серёгу:

– Вишь как на морозе-т дух сохраняется?

– Ага!

– Давно такова не едал?

– Так с лета!

– Как же ты мог её исть летом? Летом она сырая!

– А я и не помню...

Кешка вошёл и бросил на пол солдатский сидор, который звякнул и мягко осел широкими бабьими боками.

– Неужто всё отдашь?

– Не жалко. Контра ушла, а нам из Балаганска ещо привезут.

– А што в Балаганске?

– Дак инералы када сюда подходить стали, наши-то все склады и другое чево всё в Балаганск свезли, за двести вёрст.

Мишка поднял за лямки сидор, тряхнул его, и тот снова звякнул, полный патронов.

– Ну вот! – сказал он, не отрывая глаз от сидора. – А рыбу забирайте.

На лавке зашевелился мужик в папахе:

– Это кто тут такой добрый?

– Ты чё, Петрович? Не спится тебе!

– Как тут спать? Вы всё балабоните да балабоните. Эт хто? – кивнул он подбородком в сторону Мишки.

– Знакомец мой с Байкала, с того берега.

– И чё ему надо?

– Дак вот! Рыбы нам принёс, за патроны.

– А-а! Ну, энтого добра теперь не жалко! А ты, Серёга, пойдн обойди дровяник дозором! – сказал он и с головой накрылся тулупом.

– Оставь ты его, Петрович! – Кешка обнюхивал рыбу. – Кого сейчас дозорить? А омулёк бравый! Пахнет как дома!

Мишка оглянулся, ища и не находя, где бы можно было присесть.

– Сам-т давно из дому? – спросил он и пододвинул ногою сидор поближе к себе.

– А как на Черемховских копиях полыхнуло, дык я туда и подался.

– А дома хто? На хозяйстве?

– Известно хто, Маруська! Кому ж ишо!

– И чего она? Одна управляется?

– А ей чё управляться, как младшенького летом схоронили, так она с хозяйством и управляется. Сидит на печи, слёзы льёт да сети чинит.

Так и не найдя, куда сесть, Мишка привалился плечом к стене, свернул конусом листовку, согнул козью ножку и ссыпал в неё из ладони табак.

– Ты, Серёга, не смотри на кружку-то, глотни, вмиг ото сна отшибёт, и согрешься заодно. – Мишка откинул дверцу буржуйки, вынул пальцами уголёк, положил его на железный край печки и прикурил. – И как вы тут-ка революцию свою вершите? Майну продолбали и удили бы! – Ему очень хотелось как можно скорее свалить сидор в кошёвку и дать маштаку вожжий, но это был бы непорядок: не выпить чаю, не выкурить сигарку и не завести «разговора».

Кешка взял в руки самого большого омуля, оторвал ему голову и стал сдирать шкуру.

– Дак поутру и собрались: майна недалече, жилка с крючком завсегда имеются, а там контрик какой-то ошивается, ну я его...

– И срезал?

– А чё на него глядеть?

Серёга держал горячую кружку в ладонях.

– А я говорил – рыбачок!

Кешка оглянулся на парня:

– А ты бы сбегал и проверил? Чё зря языком молоть?

– А чё зря пулять?

– А ну-ка, выдь на дозор! Через полчаса доложишь! Ишь? Распился тут! Смотри, губу прижжешь. Ну-ка, шоб я тебя не видал!

Серёга обиделся, вышел и хлопнул замороженной дверью так, что с потолка посыпался иней. Кешка неодобрительно хмыкнул в его сторону, а Мишка сделал последнюю затяжку.

– А скажи-ка мне, Иннокентий, дальше как жить будем?

Кешка бросил недочищенного омуля в кучу, распрямился и потянулся всем телом:

– А так и будем. Мы своё дело сделали, белых в Байкал-море скинули, а дальше и в океян скинем...

– Ну с энtimi понятно, а здесь-то што?

– Известное дело, нову жисть сотворим!

– А каку?

– А хто его знает! Придумаем – у нас башковитых доводя!

Глава 6

Адельберг шёл на юго-восток.

Уже высокое над горизонтом, солнце светило в глаза. Он почувствовал, что мороз стал отпускать, и расстегнул верхние крючки бекеша, но этого ему показалось мало, и он снял перчатки. Он давно миновал город, и можно было присесть отдохнуть, но ещё мела позёмка, а впереди было много вёрст, и терять время на отдых он не мог. Ноги то зарывались в глубокий снег, наметаемый под торосы, то скользили по голому, прозрачному льду.

Адельберг шёл и уже не думал ни о Каппеле, ни о Колчаке. Выйдя из-под ареста, проехав мимо красных Черемховских копей и миновав красный Иркутск, постояв над могильной прорубью Колчака – в этом у него не было сомнений – и избежав смерти от случайной пули красного патруля, он понял, что впереди у него одна последняя прямая, в конце которой – встреча с семьёй. Он подумал, что от этого его отделяет или гибель, или то расстояние, которое ему предстоит пройти, поэтому сейчас в голове была одна мысль – вперёд.

Под хруст снега он думал о жене и сыне, которого видел только на фотографиях; Анна в письмах называла его Сашиком; он видел свой дом на Разъезжей улице рядом с Соборной площадью и Свято-Николаевским собором. Последнее письмо от жены пришло тому уж полгода, с оказией, когда он был ещё в Омске; офицеры и военные чины тыловых служб иногда могли «смотаться» в Харбин. Потом Колчак оставил Омск, и okazji не стало.

Он простился с женой ранней осенью 1914 года. Тогда, в первых числах сентября, его и ещё нескольких офицеров вызвали в штаб Заамурского округа для вручения казённого пакета и определили в Ставку русской армии, под начало Верховного главнокомандующего его императорского высочества великого князя Николая Николаевича, и дали три дня на сборы и прощание с семьями.

Война уже шла, но Харбин продолжал жить обычной жизнью, только прибавились новые тревоги. Из Петербурга и Москвы приходили военные новости, исправно печатались газеты, работал телеграф, все радовались победам и огорчались неудачам. Как и всю Россию, харбинцев расстроило поражение армии Самсонова и его самоубийство. Об этом говорили.

Из штаба, не заходя к себе в бригаду, Александр Петрович сразу пошёл домой – он решил отложить все дела до завтра. По дороге хотел придумать что-то утешительное для жены, но не успел, потому что штаб округа располагался на Большом проспекте, в нескольких сотнях шагов от дома, однако Анны дома не оказалось. Александр Петрович переоделся в домашнее и стал ждать. Анна отсутствовала недолго и, когда пришла, удивилась тому, что он не на службе, положила сумочку, откинула вуалетку и тревожно спросила:

– Что-то случилось?

Пока он ждал жену, то пытался что-то придумать, но после её вопроса всё отбросил:

– Я уезжаю в Барановичи, в ставку его высочества.

– Надолго?

Александр Петрович только пожал плечами.

Она прошла к себе в комнату, через некоторое время вернулась, переодетая в домашнее платье, позвала китайца-боя и повара и отпустила их.

– Ну что ж! Тогда давай пить чай.

Тот день до конца и ещё два они провели вдвоём, и только на третий день, к вечеру, уже на перроне харбинского вокзала, когда транссибирский экспресс тронулся и Александр Петрович вскочил на подножку, она сказала:

– Возвращайся!

«Вот я и возвращаюсь», – думал Адельберг.

Идти становилось всё труднее из-за нагромождения торосов, и дорога между ними терялась.

Перчатки были давно сняты, ворот расстёгнут. Адельберг сдвинул на затылок шапку, подставляя вспотевший лоб ветру, но ветер казался тёплым и не приносил облегчения.

«Вот я и возвращаюсь!»

Солнце поднялось в зенит и припекало даже через шапку. Впереди, сколько можно было видеть, простирался лёд большой реки; сопки по берегам Ангары становились всё ближе и выше и из голубых превращались в чёрные и строго очерченные. По его прикидкам, ещё несколько часов, и он должен дойти до той воображаемой точки, где остатки колонн Белой армии вышли на Ангару, чтобы идти дальше к Байкалу.

Вдруг Александру Петровичу показалось, что лёд на мгновение ушёл у него из-под ног, он остановился поправить шапку и дотронулся до лба. Лоб был потный. Он приложил снег, тот быстро растаял, потёк по лицу и стал замерзать в густой щетине. Александр Петрович понял, что жарко ему, скорее всего, не оттого, что после метели потеплело, если вода замерзает в бороде, а что-то тут другое. Он задрал рукав бекешки и рукавом френча вытер лицо, оно снова быстро покрылось потом. Он почувствовал, как пот течёт между лопатками, сначала горячий, а потом холодный.

«Чёрт побери, неужели я заболел? Как некстати! Надо немного отсидеться», – подумал он и пожалел, что не додумался попросить у Вацлава и Войтеха хотя бы немного спирта. Он прошёл ещё несколько шагов и нашёл, как ему показалось, удобное место. Когда Ангара становилась, а перед этим шла крупными льдинами, они, особенно около берега, наталкивались друг на друга, подминали одна другую, выворачивались наружу и так застывали. Он увидел большую, торчащую вертикально льдину, к которой ступенькой примёрзла льдина поменьше.

Александр Петрович сел.

«Сейчас! Пять минут! Нет, десять! Только не заснуть!» Он снова залез под бекешку и вытащил хронометр.

«Пятнадцать минут, и надо идти!»

Мешок, поставленный между коленями, обдал его пряным запахом копчёной рыбы, но есть не хотелось, хотелось пить.

«Дойду до своих и рыбу раздам! – Он растаял во рту снег. – И попрошу хлеба!»

«Хлеба! Хлеба!...» Эта мысль как будто бы прилипла, он проглотил талую воду и пожевал губами, чувствуя вкус не воды, а пахучей корки, которую только что откусил и начал медленно разжёвывать. Он перестал ощущать назойливый и сладковатый запах рыбы, только под ногами внизу пятном на белом снегу чернел мешок. На глаза и плечи опустилась усталость, тяжёлая, и придавила его к ледяному сиденью; ноги рядом с мешком потеплели.

Он сидел в полудрёме-полуяви, и вдруг ему послышался где-то далеко за спиной, за торосами, как будто бы звон поддужного колокольчика, именно поддужного, он не мог ошибиться, он даже открыл глаза. Так могут звенеть колокольцы только под дугой больших саней, запряжённых одним коренным и двумя пристяжными. Александр Петрович удивился, откуда сейчас может появиться тройка, да ещё с колокольцем.

Он огляделся: он сидел на льду реки – тогда чему тут удивляться? Вот река за спиной, та самая. Сейчас как раз Крещение! Как тут не быть тройкам? Он всё яснее слышал колокольчик и приближающийся перестук копыт по льду. Всё правильно! Всегда так было – на Сунгари пробивали большую иордань на Крещение, и половина Харбина стекалась на водосвятие, воду набирали в серебряную посуду и несли домой, и пробивали ещё одну, и самые смелые окунались и даже плавали в ней.

Колокольчик приближался, Александр Петрович дожеввал оторванный им от большой свежей краюхи кусок хлеба и оторвал следующий.

«М-м-м! Как хорошо!»

Хлеб был тёплый и согрел палцы.

«А где Анна? Почему её здесь нет? – Он снова оглянулся. – Понятно, она никогда не любила ходить зимой на реку. Она сейчас в костёле! Да, да! Конечно! А где же ей ещё быть? Надо идти к ней. Сейчас, только наберу воды!» Он наклонился к чёрно-белому краю зачерпнуть серебряное ведёрко. Анна стояла рядом и придерживала его рукой за плечо шинели, чтобы он не упал в прорубь.

– Аннушка! Ну что ты, я же не упаду!

– На всякий случай! – сказала Анна. – Я всё же подержу тебя!

Адельберг не дотягивался вниз, к воде, поэтому встал на колени, одной рукой оперся на край иордани, другую занёс с ведерком, и ему показалось, что воды очень много и он не на коленях стоит на льду, а посреди воды, вода была вокруг него... кругом...

Он соскользнул с тороса и боком упал на лёд.

Кешка сидел на лавке в ногах у подогнувшего колени недовольного Петровича и с хрустом грыз омулёвую голову. Из-за стены было слышно, как в дозоре топчется Серёга, он нарочито громко скрипел снегом и слишком далеко от дверей не отходил. Мишка взял чайник с кипятком, посмотрел на сидор, подумал немного, подхватил его свободной рукой на плечо и вышел наружу. Как только Мишка вышел из дровяника, Серёга тут же шмыгнул мимо него внутрь.

Мишка оглянулся на парнишку, хмыкнул, подошёл к кошёвке, вытянул за веревочную петлю деревянное ведёрко, загрёб им снега и вылил туда кипяток, ведро поставил лошади под морду, сидор с патронами спрятал под мешки, огляделся по сторонам, потом набрал в чайник снега и вернулся в дровяник.

– Ну что, Кешка? Домой али здесь останисся, глядишь, на како должность определят, а? А то айда на Байкал-море!

– Байкал-море никуда от мене не уйдёт! Останусь пока, дале видно будет!

– Бабе как обсказать?

– Обскажи, што видал, што живой-здоровый, к весне буду.

– Ладно! А ты, Серёга, – обратился он к пареньку, – на том берегу ежели будишь, в Мысовой, к примеру, спроси, где найти Мишку Гурана, кажный скажет и дорогу укажет. Вёрст пятнадцать по тайге, а где под сопкой Мантуриха с Мал-Мантурихой стекаются, там моё зимовье. Разнотравья да ягоды на зиму насобираешь, и чай не спонадобится. Запомнил?

Серёга, не выпуская из ладоней тёплую кружку с отваром, радостно кивнул:

– Спасибочки, дядь Миш, с делами управимся и прямиком к вам. По теплу, с дядь Кешей. Мишка глянул на него и с сожалением покачал головой:

– Дела-дела! Эхма! – Он махнул рукой. – Ладно, слово за слово, а внучки ждут! Прощайте!

Он вышел, поднял пустое ведро, шлёпнул лошадь и взялся за вожжи.

– Пошла, што ль!

Метель утихла, солнце слепило, и Мишка надвинул шапку на самые брови и подумал: «Жисть они нову будут строить! А чем стара была плоха, или я не понимаю чево, в своей тайге?»

Дорога шла вдоль правого берега Ангары, ещё несколько вёрст, и от южной стрелки Конного острова она упрётся в широкий зимник на Байкал, к ночи можно будет добежать до Листвянки, переночевать и с утра – на лёд.

– Тпр-р-р! Стой!

Он отъехал от дровяника несколько десятков сажений, соскочил с кошевы, поднял пару мешков, достал из-под них огромный тулуп с высоким, стоячим воротником, надел его, уселся и шлёпнул поводьями:

– Н-н-у-у! Давай, родимый!

День обещал быть солнечным и тихим, только понизу узкими хвостами улетающей метели ещё мёл встречный ветер, он нёс по чистому льду змеиные струи снега и задувал их под торосы. Маштачок отмахивался от ветра мордой, шёл сам собой, не медленно и не быстро; за три года своей жизни он накрепко запомнил эту дорогу и, не понужаемый, мог довести до самой Мысовой на том берегу Байкала.

Мишка только было смежил веки задремать, как вдруг от сильного толчка очнулся и по привычке натянул вожжи:

– Тпр-р-р! Чёрт! Чё там такое?

Сани поддали маштака под задние ноги.

– Тпр-р-р! Чево встал?

Маштак стоял на краю большой, уже начавшей схватываться, проруби и хватал губами колотый, примёрзший лёд.

– Не напился, чертяка! Ну давай! – Мишка стряхнул сон, соскочил, достал берданку и пару раз ударил прикладом у самого края проруби по льду, ангарская вода вышла наружу. – Пей, чево с тобой поделаешь! Видать, тёплая не пошла!

Пока лошадь пила, Мишка обошёл прорубь, похоже ту самую, выдолбленную Кешкой: «Майна как майна, чё не рыбачить?»

– Ну чё? Напился? Айда домой!

Он снова укутался в тулуп и махнул вожжами. Умный маштачок сдал несколько шагов назад, объехал майну и уверенно потащил к зимнику. Мишка даже не заметил этого; он сидел и думал, «каку чечу кому подарить», – для младшенькой он выменял у городской барыни целую жменю разноцветных стеклянных шариков: «На кой ляд им энти шарики, кака от их польза, одна только забава»; для средней за «цельный омулёвый хвост» надыбал обтрепанный букварь с картинками: «Нехай в буквицы пальцем тычет!»; старшей достались длинные бусы и зеркальце в бронзовом окладе с ручкой из красного дерева: «Девка, чай, скоро на выданье!» Дочери за мешок рыбы выменял швейную машинку и пару штук хорошей мануфактуры: «Эк, ладно! Бравый купчишка попался!» – но самой большой удачей был сидор с патронами, как раз к карабину, подобранному им на обочине. Было ещё немало полезного, чего он наменял, у кого за хлеб, у кого за медвежий жир, у кого за рыбу, даром досталась только сабелька: «На кой она мне? А нехай валяется, авось к чему приспособлю!»

За этими мыслями после нескольких бессонных суток он начал клевать носом и слышал только, как тукали лошадиные копыта по льду. Вдруг сквозь сон чутким охотничьим ухом он стал различать дальнейшее позванивание колокольца. Он мысленно отмахнулся и попытался снова задремать, но ясный звон поддужного колокольчика мешал, как будто по льду где-то далеко бежала почтовая эстафета.

«Не-е, чё мне мерещится? Стафеты не бегают уж сколь годов, как железку построили! – подумал он, но звон колокольчика слышался настойчиво. – Чур меня! Нету здесь никаких почтарей! А ну-ка я!.. – И, не открывая глаз, он полез рукой под сено в головах кошевы и вытащил старую латунную фляжку. – Ща глотну, и всё...» Он открыл глаза, чтобы вынуть из фляжки деревянную затычку, и звон колокольца смолк. Мишка укоризненно мотнул головой и вздохнул, он вспомнил, что давно ничего не ел, уже больше суток, подумал, что у него есть рыба и хлеб, и посмотрел на солнце: «Дело-то к межени, с голодухи, што ли, мерещится? Правду бают, что голод не тётка! Тпр-р-р!!! – Он остановил сани, разобрал поклажу и заодно зарядил карабин. – Надо бы кипяточку, дак ведь дрова!..» Он огляделся, до ближнего берега Ангары было уже далеко, подъехать бы туда на санях, но чем ближе к берегу, тем больше торосов, а между ними сани не пройдут.

– Чай, не барин, и пешком доберёсси!

По привычке к таёжному одиночеству Мишка разговаривал в голос, «чтобы от человеческого на звериное не привыкнуть!», он заткнул за пояс топор, за плечо закинул карабин и пошёл к берегу.

– Эхма! Кабы денег тьма, купил бы девок деревеньку! И всех жалел бы помаленьку! – Громко, стараясь попасть в шаг, он распевал частушку, которую услышал несколько дней назад, когда на привале грелся у костра среди белых.

– Ма! Тьма! Девки! Деньги! Так они таку власть-та защищают? – Эту же самую частушку он раньше слышал среди красных. – А те? Таку хотят завоевать? Тьфу, гадство!

Под пимами громко скрипел снег, большие и малые ледяные глыбы, смёрзшиеся во время ледостава, были похожи на осыпи таёжных валунов, скатывавшихся по распадам между сопками, громадные, иногда в человеческий рост; Мишка обходил их и, хотя и привычный, вспотел, в ушах застучало, и заухала кровь в висках.

«А можа, это и был колоколец?!» – подумал он и вдруг рядом с собой ясно услышал:

– Анна! Ну что ты, я же не упаду!

От неожиданности Мишка отпрянул и чуть не хлопнулся задом на лёд.

«Чур меня, чур! Опять чудится!» Он сдвинул шапку, потом снял её и вытер вспотевший лоб, ладони в варегах тоже вспотели, он сбросил их под ноги и сдернул с плеча карабин.

– Анна! Ну что ты!.. – снова услышал он.

«То колоколец, то Анна, а ведь уж каки сутки в рот не брал...»

– Аннушка! Ну что!..

«Заступница! Царица Небесная! Кто ж энто меня морочит?» Мишкины ноги дёрнулись было обратно к саням, но он пересилил себя и стал прислушиваться. Из-за торосов, от берега, снова послышался внятный человеческий голос, который снова позвал Анну.

Мишка мелко и часто закрестился: «Уйтить, што ли, от греха подальше, не искушать судьбу? А вдруг он приманивает, а сам в проруби-та поджидает? Будит тады и «ма», и «тьма!» Он сплюнул и, прячась, пошёл туда, откуда, как ему показалось, доносился голос.

Место оказалось совсем близко, всего лишь в нескольких шагах. Как ни страшно было, Мишка заглянул поверх льдин и увидел, что под одной из них что-то чернело: на льду навзничь лежал человек, он откинул одну руку и, опираясь на локоть другой, пытался встать; несколько мгновений Мишка медлил, потом понял, что человек хочет подняться, но не может.

«Раз лежит на спине, значит, можно без опаски!» Он подошёл и сразу узнал своего недавнего попутчика. Мишка мигом прикинул место, где он сейчас находится, вспомнил разговоры в дровянике и, как ему показалось, всё понял: «От, Кешка, сучий потрох! Таки попал!» И он шагнул:

– Петрович! Давай-ка подсоблю тебе!

– Стой, стрелять буду! – неузнаваемым голосом закричал лежавший на согнутом локте Адельберг.

– Стреляй, стреляй! Из пальца, што ли, стрелять будишь?

Мишка подхватил Александра Петровича под мышки и подтащил спиной к торосу.

– Ща, погодь, окажу тебе первую милосердную помощь! Как ты, ваше благородие, тута оказался?

«Вот тебе и «ма»! Широка страна Сибирь, дивна просторами, а дорога – одна-едина!»

Лицо Александра Петровича было малиновое, со лба и по вискам тёк пот, Мишка прихватил снегу и обтёр его.

– Эж тебя угораздило! Лихоманка али тиф?

На Мишку смотрели горящие, бессмысленные глаза.

– Вот! Анна! Ты и пришла!

– Анна! Анна! Пришла, а то как же! – Мишка распрямился и огляделся: до прибрежных кустов было недалеко. – Всё одно хворосту надо наломать!

Он оставил Адельберга и пошёл к берегу.

Александр Петрович, привязанный верёвками к саням, уложенный на сено и мешки и прикрытый всем, что Мишка мог извлечь из своей поклажи, звал людей, имена которых Мишке были неизвестны, и метался, пугая лошадь. Единственное, что понял Мишка, – это то, что жену Александра Петровича звали Анной.

Он правил по ангарскому зимнику на юго-восток к Байкалу; солнце, ещё несколько часов назад ощутимо припекавшее, к вечеру стало только светить; мороз усилился, и Мишка стал подумывать о том, что надо бы остановиться на ночлег в какой-нибудь деревне на берегу Ангары. Они проехали Бурдугуз, там у него жили несколько знакомцев, но он всё же не остановился, оставалось ещё несколько часов светлого времени, и он решил ехать дальше, к Байкалу. По дороге слышал стрельбу: два или три выстрела, но в морозном воздухе звук растекался низко, и он не понял, это было сзади от Иркутска или спереди от Байкала. Потом, уже в сумерках, когда проехали небольшой остров, он увидел там «лёжки»: «Похоже, отсюда и стреляли! Кешкины сукины дети, што ли?»

Вдруг из-за спины послышался ясный голос:

– Ты кто? Куда везёшь?

Мишка даже вздрогнул, Александр Петрович был до этого в забытьи, и Мишка уже начал беспокоиться, жив ли.

«Ну, слава тебе, господи! Живой!»

– Ты, ваше благородие, не голоси пока што! Тебе силы надоть беречь!

Он соскочил с саней, достал фляжку и вытащил из неё деревянную затычку:

– Дай-ка я тебя попользую! Со снежком будишь, с рыбкой али так, лекарственно? – Он оказался по правую руку от Александра Петровича, она была прихвачена верёвочной петлёй, накинутой поверх рукава бекеши, чтобы не поранить кожу, и привязана к борту. Адельберг пытался поднять её, как бы целясь в Мишку, как во врага. – Давай, Петрович, давай, только не промахнись! А я вот спиртцу тебе! – Он поднёс горлышко к губам Александра Петровича, тот вонзил в Мишку пронзительный взгляд, и спирт потёк по плотно сжатым губам. – Ах ты, беда какая! Да ты глотни малость, всё с нутра согреишься, его и так немного, всего-то полведра, а ты по бороде пускаешь.

Спирт обжёг сухие губы, Александр Петрович мотнул головой и попытался их облизать, в этот момент Мишка влил порядочный глоток, Александр Петрович проглотил спирт, его глаза округлились, Мишка плотно зажал ему рот рукой, Александр Петрович всосал носом воздух, стал выдыхать, и в этот момент Мишка положил ему на губы снег.

– Ну вот, ваше благородие! И никаких опохмелиев не буить!

Адельберг пожевал губами и закрыл глаза, спирт подействовал, и до самой темноты Мишка ехал не тревожась.

Зимник круто забирался на левый берег Ангары под самые железнодорожные пути, по которым сплошной вереницей катились эшелоны с чехами. Мишка дал маштаку пару хороших кнутов, лошадка взялась, натянула постромки и бодро потащила сани наверх. Впереди, верстах в двух за выступавшим из правого берега и закрывавшим полреки мысом, в темноте вдруг открылось множество огней.

– Мать честная! – выдохнул он.

Было тихо, ниоткуда не слышалось стрельбы, и он догадался, что это, наверное, та самая армия, которая отступала на Байкал, и, скорее всего, тот самый обоз, из которого он совсем недавно вырвался и теперь снова догнал.

– Тпр-р-р!

– Что там, Михаил? – послышался слабый голос Александра Петровича.

– Очнулись, ваше благородие? – Мишка не удивился, он знал, что так бывает, когда объятые «огневицей» больные ненадолго приходят в себя.

– Это тама ваши лагерем стоят, я так мыслю! Боле некому.

– Давай к ним!

– А куда же ещё? Тока к ним. Тебя тамо-ка признают, Петрович?

– Надеюсь, – тихо промолвил Александр Петрович. – Дай снегу, я не дотянусь.

Последние две версты дорога шла то зимником, то берегом, Гуран шёл мерно, не понужаемый, не дергая и не толкая саней, и, если бы не огни впереди, Мишка давно бы уже заснул.

Глава 7

9 февраля 1920 года, ближе к ночи, в десяти – двенадцати верстах юго-восточнее Иркутска из тайги на ангарский лёд вышли остатки колчаковских армий.

Командиры колонн разрешили людям короткий отдых, чтобы завтра, к утру 10 февраля, сосредоточиться у истока Ангары около деревни Лиственничной, пройти от неё вдоль западного берега Байкала сорок вёрст на север до мыса Голоустный, последним рывком в шестьдесят вёрст пересечь Байкал по льду и добраться до восточного берега до станции Мысовая.

Колонны и тянувшийся за ними обоз шли на голодных, измотанных лошадях. Дивизии, сократившиеся по своему составу до полков, а полки до батальонов и рот, почти не имели припасов и фуража: на солдата и офицера приходилось по фунту сухарей и по десятку патронов. Шедшая в арьергарде Боткинская дивизия генерала Молчанова сохранила несколько орудий, которые в разобранном виде перемещались санным ходом. Люди были раздеты, разуты и голодны. Больных тифом, привязанных ремнями и верёвками к саням, и раненых не бросали и везли с собой.

За два дня до этого, 7 февраля, остатки 2-й армии генерала Вержбицкого и 3-й армии генерала Сахарова под общим руководством генерала Войцеховского, который принял командование вместо умершего 26 января от гангрены и крупозного воспаления лёгких генерала Каппеля, стояли в нескольких верстах от Иркутска, на станции Иннокентьевская, и были готовы атаковать город. Если бы они продвинулись немного южнее, на высоты Глазковского предместья, их позиция была бы господствующей и взять наполненный припасами Иркутск, который обороняли неопытные рабочие дружины и немногочисленные отряды красногвардейцев, им, скорее всего, удалось бы. План наступления был готов, но пришло известие о том, что эсеровский Политсовет, на самом деле подконтрольный большевикам, за несколько часов до этого в устье впадавшей на северной окраине города речки Ушаковки расстрелял на краю проруби Верховного правителя России адмирала Колчака и вместе с ним премьер-министра Омского правительства Пепеляева. Сразу пришло ещё одно известие от руководства Чехословацкого легиона: они предупредили, что в случае атаки белых на Иркутск они вмешаются в дело на стороне красных.

Белым генералам это было непонятно и до ужаса обидно, потому что несколькими годами раньше всё с них, с чехов, и началось, и даже ещё раньше, задолго до этого.

В августе 1914 года, когда началась мировая война, солдаты и офицеры австро-венгерской императорской армии: чехи, словаки, сербы, поляки – стали сдаваться в плен к русским; в одиночку, группами, ротами и батальонами, добровольно. К 1917 году их, пленных, набралось более пятидесяти тысяч; из них составили легион и расквартировали в Малороссии, под Киевом, а союзное командование Антанты с согласия русского царя стало считать их своим резервом и намеревалось перебросить через Владивосток во Францию, тем самым усилив французскую армию и весь Западный фронт.

Однако 2 марта 1917 года, после Февральской революции, русский царь отрёкся от престола. Образовавшееся Временное правительство обещало союзникам исполнить союзнический долг и «довести войну с Германией до победного конца». Но оно не смогло удержать своих солдат на фронте, и начиная с мая того же года полки и дивизии стали самовольно сниматься с позиций и разбегаться по домам, чтобы продолжить революцию. С этого момента русской армии и Восточного фронта больше не существовало.

Перемены в России сильно изменили всю конфигурацию мировой войны.

После большевистского Октябрьского переворота крушение победных планов Антанты стало почти реальностью, и оно стало очевидной реальностью после того, как Ленин и Троцкий подписали с Германией Брестский мирный договор.

Французы и англичане почувствовали это довольно скоро, как только германский главнокомандующий генерал Людендорф перекинул освободившиеся войска из России на запад и 21 марта 1918 года начал наступление под Соммой. Уже через несколько дней, 4 апреля, немецкая 18-я армия вышла на стык французов и англичан у Ангара и была остановлена только ценой их огромных усилий и потерь всего лишь в нескольких милях от Парижа.

Антанта серьёзно испугалась образовавшегося перевеса немцев и попыталась договориться с большевиками о восстановлении Восточного фронта, но те уже объявили программу своего нового государства, Страны Советов, и самым значимым на тот момент было их требование «прекратить войну без аннексий и контрибуций». Премьер-министрам Франции и Англии стало понятно, что они не могут ждать, пока Ленин и Троцкий со своими большевиками самоликвидируются, или когда их режим сойдёт на нет, или когда их кто-то победит.

И союзники вспомнили о своих резервах.

К весне 1918 года Чехословацкий легион под давлением занявших Украину немцев отошёл в район Поволжья и Приуралья. На красных в это время с юга – с Дона и Кубани – наседали Добровольческая армия Деникина, и довольно скверно складывалась обстановка на севере – под Мурманском и Архангельском, где против большевиков дрался генерал Миллер. В Эстонии шевелился Юденич, и кольцо вокруг большевиков должно было сомкнуться вот-вот! Не хватало всего лишь нескольких усилий.

И союзники сделали ставку.

По их планам легион должен был соединиться с Миллером и англичанами на севере, с Деникиным на юге, и они должны были осуществить это «вот-вот», то есть сомкнуть кольцо вокруг Москвы, уничтожить большевиков, восстановить старую власть и Западный фронт и тем самым помочь разбить немца.

Это был план!

И как будто его кто-то в нужный момент подтолкнул.

Во вторник, 14 мая 1918 года, в Челябинске военнопленный венгр, перемещавшийся вместе со своими на запад к красным, проломил ломом голову военнопленному чеху, двигавшемуся вместе со своими на восток. Ненависть, которая накопилась у чехов к мадьярам, прорвалась. Чехи были жестоки, и после расправы с мадьярами они заняли центр Челябинска. Заодно разобрались и с местным Советом.

Большевики обиделись. 21 мая Лев Троцкий приказал арестовать в Москве руководителей Чехословацкого национального совета, а легион разоружить. Чехи разоружаться отказались. В ответ на это последовала телеграмма Троцкого:

«Всем Советам!

Настоящим приказывается незамедлительно разоружать чехословаков. Каждого вооружённого чехословака, обнаруженного вдоль железной дороги, следует расстреливать на месте; каждый воинский эшелон с обнаруженным в нём хотя бы одним вооружённым человеком подлежит выгрузке, а находящиеся в нём солдаты – интернированию в лагерь военнопленных. Военкомы на местах обязаны незамедлительно выполнить данный приказ; каждая задержка будет считаться изменой, приводящей виновника к суровому наказанию».

В свою очередь на эту телеграмму обиделись чехи и везде, где они находились, повернули штыки против красных: 26 мая, в субботу, они разоружили большевиков в Пензе; после Челябинска захватили Новониколаевск; в начале июня – Омск и Томск и отрезали голодную Москву от хлебной Сибири.

Но в один, казалось бы самый неподходящий, момент странным образом между союзниками возникли противоречия: французам хотелось, чтобы чехи плыли во Францию, а англичанам, интересы которых в России очень страдали, напротив, захотелось, чтобы чехи остались там, где они были. Вопрос решили сами чехи – они стремились домой, чтобы заняться обустройством своей маленькой красивой родины, поэтому легион из всех мест своей дислока-

ции начал стягиваться к Сибирской железной дороге и двигаться во Владивосток – перспектива погибнуть на просторах обезумевшей Российской империи им не улыбалась. 7–8 июня вышедший из Пензы арьергард легиона под командованием полковника Чечека достиг Самары, молниеносно захватил её, разогнал красногвардейцев и расстрелял пятьдесят бывших венгерских военнопленных, вступивших добровольцами в большевистские интербригады, и власть в городе перешла к эсерам, тут же образовавшим своё правительство под названием КОМУЧ – Комитет членов Учредительного собрания, разогнанного Лениным ещё 19 января 1918 года.

18 июня 1918 года чехи заняли Красноярск.

5 июля – Уфу.

11 июля в Симбирске против большевиков восстал красный командир эсер Муравьёв.

2 августа англичане и американцы высадились в Архангельске.

7 августа чехами и белыми была занята Казань и отбит вывезенный из Петрограда подальше от немцев царский золотой запас.

8 августа против красных поднялись ижевские и, чуть позже, воткинские рабочие.

30 августа эсеры чуть не застрелили Ленина и застрелили Урицкого.

13 октября в Омск прибыл адмирал Колчак.

К этому времени, правда, большевики уже приступили к созданию своей регулярной Красной армии и начали одерживать на востоке первые победы: 10 сентября они отбили Казань и через пару дней взяли Симбирск...

И кольцо не сомкнулось.

А план был!

Была, правда, и другая причина, по которой кольцо не сомкнулось. Но она была внутренняя, чисто российская – своя.

Ещё до революции сибирские хлебопромышленники, кооператоры и другой имущий народ захотели отделиться от России и образовать в Сибири свою автономию. После революции они стали люто ненавидеть эсеров, они считали их, и вполне оправданно, авторами этой самой революции и поэтому, имея двадцатитысячную армию, не захотели помогать белым фронтам эсеровского самарского КОМУЧа на Волге и в Приуралье. В конце восемнадцатого года и в начале девятнадцатого те стали терпеть одно поражение за другим и откатываться на восток.

Красные начали разжимать кольцо, белые продолжали спорить между собой и отступали, а чехи, полностью оседлав железную дорогу, двигались к Тихому океану.

14 октября 1919 года красные вошли в столицу Сибири – Омск, оставленную без боя её главнокомандующим генералом Сахаровым, правительством и самим Верховным правителем России Колчаком.

С этого и началось.

Большая страна Россия, а путь за Уралом оказался один. Войска белых генералов Капеля, Сахарова, Молчанова, Бангерского, Вержбицкого, Войцеховского, Пепеляева, битые красными, стали уходить на восток; они вытянулись по старинному Сибирскому тракту вдоль железной дороги и отступали, оставляя один рубеж за другим, бросая пушки и сдавая Ново-Николаевск, Томск, Красноярск; а в Нижнеудинске чехи забрали у них и отдали большевикам даже самого Верховного правителя России – Колчака.

В ночь с 9 на 10 февраля 1920 года терпевшие поражение белые войска вышли на Ангару между городом Иркутском и озером Байкал.

Командиры колонн разрешили непродолжительный отдых.

Войска и обоз старались подойти ближе к берегу, чтобы запастись дровами и разложить костры. Люди замёрзли и были голодны; многие были истощены так, что не могли этого сделать сами, и тогда те, у кого ещё были силы, стали помогать соседям, и ночная Ангара ближе к правому берегу осветилась огнями множества костров.

Глава 8

- Мать честная! – выдохнул Мишка.
- Что там, Михаил? – послышался слабый голос Александра Петровича.
- Очнулись, ваше благородие? Это тама ваши лагерем стоят, я так мыслю! Боле некому.
- Давай к ним!
- А куда же ещё, тока к ним! Тебя тама-ка признают, Петрович?
- Надеюсь, – тихо промолвил Александр Петрович. – Дай снегу, я не дотянусь.
- Снегу-то, эт можно!

Мишка не понукал лошадь, она и так шла, слава тебе господи, и думал: «А ну-ка, ежели я встану там, чё будит? Их благородие снова впадут в беспамятство, а в энтой темени признает его хто аль нет?»

– Петрович! А Петрович?! – позвал он через плечо.

Александр Петрович молчал.

«Ну вот, чё я говорил!»

Огни приближались, он думал, вставать на отдых или нет, и решил, что «пока што» проедет мимо лагеря, а если и встанет, то на том конце, на дальнем, там, где стоят самые ближние к Байкалу: «Первыми тронемся к морю-батюшке, первыми на нём и будим, а тама поглядим – Баргузин подует али Сарма! А ежели признают! Мне от энтого кака польза? А никакой! Хорошо, ежели спасибо скажут! А ишо ково подложат, хворого, али своими голодными носами учуют чево!..» Гуран шёл прямо на костры, и Мишка машинально стал натягивать вожжи: «... Рыбы-т не жалко, вона её подо льдом, немерено! Да только разворошат всю поклажу, собирай потом». Мысль о том, как поступить, когда он подъедет к лагерю, как быть с пассажиром, которого Бог послал ему дважды – зачем-то же Он это сделал, – застряла в голове: «И отпуская уже их благородие, так сам на дороге попался! Хто ж его под ноги... подкладывал, што ли?..»

Костры приближались, уже стали различимыми отдельные фигуры, передвигающиеся по льду, и Мишка стал забирать правее: «...Ставят караулы, не ставят? Щас бы сюды Кешкину артиллерию!.. Типун тебе на язык!»

От сияния костров ночь казалась необыкновенно тёмной. Рассыпанные по небу звёзды светили как бы ввысь сами себе, ничего не освещая на земле, и тем самым только оттеняли бархатную черноту.

«А можа, сдать его с рук да не брать греха на душу, а то ишо не довезу?» Мишка поддёргивал Гурана правой вожжой, но тот упрямо забирал левее к кострам, к теплу и постою. «Ладно! – Он наконец решил. – Доберёмся до Листвянки, дождём утра, а там видно будит!» Мишка совсем отпустил левую вожжу и хлестанул маштака кнутом.

Утром 10 февраля передовая Ижевская дивизия вышла у Лиственничной на лёд Байкала. В голове дивизионной колонны образовался небольшой эскорт, в котором ехали сани с простым гробом, в нём лежало замороженное тело генерала Каппеля.

Мишка старался держаться неподалеку. Перед тем как выдвигаться, он накормил горячим ненадолго пришедшего в себя Александра Петровича, дал ему выпить спирту, и тот уснул, Мишке так показалось проще. Лежащий в санях, заваленный сверху взятыми у Кешкиной жены одеялами, заросший густой щетиной, Адельберг стал неузнаваемым для всех, кому мог быть знаком в колонне, и, если кто-то из воинских начальников спросил бы «Кого везешь?», Мишка мог бы ответить в зависимости от обстоятельств.

Авангардная колонна тронулась из Лиственничной. Мороз, доходивший утром до тридцати градусов, стал смягчаться, но поднялся сильный низовой ветер. Лошади, голодные и

иззябшие, из последних сил тянули сани, на которых сидели и лежали по несколько человек, и с трудом преодолевали версту за верстой.

Под ними был полуторасаженный, прозрачный, как стекло, лёд, над которым летел, скользя и не задерживаясь, снег. Ветер дул ровный и сильный, он выдувал не поставленных за зимние подковы и вообще давно не кованных ослабевших лошадей вместе с санями, и тогда люди бросались на помощь, но лошади ложились на лёд и уже не поднимались, и тогда их бросали – и их, и сани. Из унесённых ветром саней Мишка взял в свои ещё двоих человек, таких же больных, как Александр Петрович. Низкорослый лохматый Гуран клёкал широкими копытами по льду и косил то левым, то правым глазом на своих исхудавших, еле-еле поднимавших копыта товарищей, которые совсем недавно, но, казалось, уже в другой жизни, были статными строевыми красавцами.

От Лиственничной колонна вытянулась чёрной длинной нитью с юга на север до мыса Голоустный, от Голоустного она повернула направо, пересекла озеро, и к ночи её голова дотянулась до станции Мысовая, оставляя на своём пути чёрные точки брошенных саней и лошадиные трупы.

В Мысовой Мишка заехал к родне, оставил им на подкорм Гурана, запряг его братца, с рук на руки передал докторам привезённых больных и с Александром Петровичем, который весь переход был в беспамятстве, подался в тайгу.

Глава 9

Где-то близко что-то сильно хлопнуло, похожее на выстрел.

Александр Петрович очнулся и закашлялся.

– Чё, Петрович, никак прохватился? Долго-онько же ты...

Дальше слов Александр Петрович не разобрал, не узнал и голоса говорившего человека, хотя тот показался ему знакомым.

– Слышь, Петрович! Дай-ка, што ль, я покормлю тебя?

Кто-то, кто с ним разговаривал, был ему определённо знаком, но он не мог его вспомнить, надо было открыть глаза. «Нет, сначала вспомню...»

– Щас чевоёй-то принесу... – услышал он снова.

«Кто это? Откуда? Я же только что был с Анной, она была здесь, рядом, ну конечно! Мы сидели за столом, она отпустила повара и вышла... за чем-то. Чей это голос?»

Рядом что-то заскрипело, похожее на дверь, и опять хлопнуло, и отчётливо послышалась негромкая речь того же человека:

– Вот погоди, щас только печку раздую, и будет тебе похлёбка, целебная. – Говоривший это чем-то гремел и звенел совсем близко, потом что-то глухо ударилось, похожее на стук полена, упавшего на деревянный пол.

«Если Анна только что была здесь и мы сидели с ней за столом, то почему я... лежу?»

Александру Петровичу показалось, что человек, который с ним разговаривает, находится очень близко, он слышал, как тот ходит, кряхтит, гремит железом и чем-то деревянным стучит. Он начал ощущать тепло, даже немного вспотел лоб, он дрогнул рукою вытереть пот, но рука была тяжёлая. И был запах чего-то кислого и одновременно дыма, похожий на запах выделанной шкуры дикого зверя. Он открыл глаза.

Он действительно лежал на каком-то жёстком помосте или лавке у глухой стены, составленной из положенных друг на друга толстых, едва ошкуренных брёвен, между ними был забит мох и кое-где сивыми бородами свисала пакля. Справа от лежака был узкий проход, отделявший его от обмазанной глиной белёной стены, от которой шло тепло. Александр Петрович лежал под большой шкурой, положенной шерстью вниз, он только что её нащупал потерявшими чувствительность пальцами. Он стал осматриваться.

За белёной стеной, от которой шло тепло, кто-то шумно возился, наверное с печкой и дровами, и разговаривал с ним; проход туда был занавешен большой шкурой бурого цвета.

Он совсем не узнавал этого места. «Анна не могла быть здесь, значит, она мне приснилась!»

– Щас, Петрович, щас, погоди чуток, щас я тебя подкреплю!

Пола шкуры косо отодвинулась, и в комнату, сгорбясь и держа обеими руками грубо сколоченный деревянный табурет, на котором стояла глиняная чашка с торчащей из неё деревянной ложкой, вошёл человек. Он поставил табурет у изголовья и шумно выдохнул:

– Очнулись, слава тебе, Господи! – и перекрестился.

Человек с трудом поворачивался в узком проходе между лежаком и белёной стеной; устроив табурет, он подоткнул укрывавшую Александра Петровича полость и присел. Тут Александр Петрович увидел, что в углу, напротив него, под самым потолком, на полочке-божнице стояла тёмная, почти чёрная икона и лик на ней еле-еле угадывался.

– Святой Пантелеймон, угодник наш. Старая икона, семейная, древлего письма. Вот накормлю тебя и маслица в лампадку подолью, и светлей будит, и ты помолишься. А щас дай-ка я тебя приподыму.

Человек низко наклонился над Александром Петровичем, почти касаясь его лица бородой; от него пахло дымом, звериными шкурами и морозом; он приподнял его за плечи и подбил свёрнутую кулёму в изголовье Александра Петровича.

– Ослаб ты совсем! Как с Байкала-т пришли – так ты три седмицы в себя не приходил. У меня уж и опаска появилась, что помрёшь, – человек встал, поклонился иконе и снова перекрестился, – прости, Господи!

Александр Петрович попытался пошевелить губами, чтобы спросить, где он.

– Ты, Петрович, покаместь молчи, тебе гуторить не надо. Ты покеда в бреду металси, много чево наговорил. Открывай-ка лучше рот.

Александр Петрович попытался открыть рот, но получилось какое-то неуверенное шамканье, губы слиплись, и во всём теле он ощутил слабость. Человек грубыми, шершавыми пальцами оттянул за подбородок его нижнюю челюсть и между разлипшими-ся губами влил из ложки тёплую вязкую жидкость.

– Ты только глотай, не выплевывай.

Александр Петрович с трудом продалил глоток.

– Скуса оно, конечно, в энтот пойле нету никакова, а пользы-та – куцы с добром, – энтот толченый овёс на медвежьем жиру. Ты не жуй, не жуй – так глотай. А я поведаю тебе... да ты, видать, и не признал меня! Мишка я, гуран! Припамятовал, поди?

Александр Петрович продалил второй глоток. В сумерках полутёмной комнаты над ним нависал огромных размеров мужик, под самые глаза заросший чёрной бородой.

– Не вспомнил?!

Александр Петрович отрицательно повёл головой.

– Ну ин ничево! Ещё вспомнишь, вот я поведаю тебе – так ты и вспомнишь. На станции мы с тобой повстречалися, за Зимой, посла как чехи тебя и тваво ахвицерика арестовали. Ты ишо шалон с золотишком провожал. Вспомнил? Шинелишка на тебе бравая была. Так я тебя на свои сани посадил. Ну, не вспомнил? А и нет, так не беда!

Александр Петрович смотрел на мужика, назвавшегося Мишкой.

«Анны здесь нет! Золотишко? О чём это он?»

– ...Покеда ты в бреду лежал, так всё распетрошил: и про службу свою и про жёнку, Анкой кличут! Так? Тока отчества я еёшного не разобрал, Савельевна, што ли?

– Кса...

– Молчи, молчи! Энтот сейчас не ко времени, посла побалакаем. Так вот! От энтотой станции мы с тобой много вёрст в моей кошёвке пробежали, в обозе. А потом я ссадил тебя, перед самым Иркутском, а то не прошли бы мы с тобой через красные кордоны. Ты потом с чехами, видать, маленько проехал, а потом на льду я тебя нашёл, уж за Иркутском. Хворого! Не вспомнил?

Говоря это, Мишка ложку за ложкой подносил к открытому рту Александра Петровича; сначала глотать было больно и мучительно, и ложки после десятой Александр Петрович закрыл глаза.

– Ну засни! Таперя опасаться неча, раз уж в себе пришёл. Спасибо святому Пантелеймону-врачевателю! – И Мишка снова перекрестился на образ. – А ты пока засыпайшь, я тебе и поведаю. Глядишь, и припомнишь чего!

Александр Петрович почувствовал, как он начал куда-то проваливаться, куда-то глубоко; Мишка то растворялся и терял очертания, то появлялся и говорил не умолкая; он узнал этот голос и вспомнил, кто такой Мишка; а иногда ему казалось, что на его месте сидит только чья-то тень; он силился снова увидеть Анну, и в это время слышал урывками:

– ...перед тем как тебя на льду увидать, с Кешкой я постречалси, энтим... он от вас оборонь держал... и ещё таких же, как он, два варнака с винторезами...

Александр Петрович увидел, как из темноты на него надвигается Александр Третий, он попытался до него дотронуться, но вместо холодного металла почувствовал тёплую Мишкину посконную рубаху.

– ...а тут слышу, колоколец звенит, ада ли стафета почтовая по льду гонит, дак и не поверил даже...

На санной тройке с колокольцем к нему ехала Анна, к иордани, где он хотел набрать освящённой воды.

– ...ну а дале, тут и ты прохватился, ваше благородие, это уж мы почти што к лагерю подбежали, ты сказал, что домой торопишься, и останавливаться не велел...

«Врёшь! Я сказал: «К ним!» Дальше не помню!..» И он глянул на Мишку через щёлочки глаз.

– ...а тама народищу, всё голодные, холодные, глазища только на лице одне... Сарма дуит, сани с людишками на Байкал уносит, тока все за Каплина-инерала, то есть за домовину его, и цепляются... которые неподалёку от него были, те и выбрались... про других не знаю, они всё позади шли...

– А ты? – Александр Петрович стал понемногу укрепляться в сознании.

– А я, ваше благородие, подумал, што всеми силами не отдадут они его, ежели не бросили и красным не отдали, дак и Байкал-мору не отдадут, и держался воблизь, как мог. Строгий рядом с ним начальник ехал...

– Полковник Вырыпаев? Василий?

– О! Вишь? Ваше благородие, как память тебе овёс толчёный даёт... щас ещё чей-то похлебаем.

Уставший Александр Петрович отрицательно покачал головой, но Мишка его уже не видел и не слышал, взял миску и вышел за занавес.

Александр Петрович начал чувствовать, как к нему понемногу возвращаются силы, напряг руки и вытащил их поверх полости, память тоже возвращалась, иногда он ещё куда-то уплывал, но воспоминания становились всё явственнее, твёрже и начинали срастаться своими окраинами, кроме тех моментов, когда он был в забытьи: как они переправились через Байкал и как он оказался в этой комнате, он вспомнить не смог.

Мишка, снова по-медвежьи сгорбатившись, протолкался через занавес, он держал в руках деревянную ступку, из которой поднимался пар, от неё исходил приятный запах.

– Черёмуха! Невестушка наша, таёжная. Из неё отвар. Ты только руками не цапай, в их силы у тебя пока нету, губами, губами прихлебни, края не горячи. Укрепись маленько, а то посла медвежьего жиру я тут с тобою набегаюся. – Он взял ступку в руки и поднёс её к губам Александра Петровича. – У вас такая в столицах, поди, и не растёт?

– Растёт, Михаил, отчего же!

– Ну коли растёт, значит, знать должен, что целебная очень, особливо для кишок. Ты в беспамятстве ел, почитай, с пятого разу на десятый, да и помногу-т нельзя. Тиф тебя заел и грудная огневица. Когда сил прибавится, ты рукою по башке-т проведи! Всего тебя оскоблить пришлось! Так-то!

Александр Петрович попытался поднять руку.

– Не-е, этого щас даже не думай!

Александр Петрович всё же напряг мышцы и подтянул руку к подбородку, дальше сил не хватило.

– Ты, Петрович, видать, интересуешься, где ты оказался?

Александр Петрович кивнул.

– Далече я тебя увёз, далече! – Мишка сказал это как будто даже с сожалением. – Есть у мене интерес к твоей перьсоне, однако нынче не энто важно. – Он помолчал и негромко добавил: – Не доездили бы тебя...

Александр Петрович посмотрел на него.

– Твои как до Мысовой добрались, так сразу лагерем стали, их тама японцы дожидали и атаман Семёнов. Не сам, конечно, а энти его...

– Представители!

Мишка даже хлопнул себя по коленям:

– Ах, как шустро ты на поправку-т пошёл! Любо-дорого глядеть! Тока ты не торопись. – Он огладил бороду и продолжал уже не так радостно: – Ну, которые больные были, их по вагонам растолкали и отправили до Читы. Тама дохтора, гошпиталя, одначе по дороге много народу померло, особо тифозные, потому как их сразу в тепло перенесли. Покеда они по морозу ехали, в санях, значит, мороз тиф-то отпугивал, а как в тепло... – Мишка снова поднёс ступку с отваром к губам Александра Петровича. – А я у знакомцев своих тебе отмыл, как хряка палёного оскоблил, спиртом напоил, одёжу твою всю пожёг! Тока бумаги оставил.

Он достал откуда-то кисет, помял его и убрал.

– Здесь ты далека от всех: от Байкала далека, от красных – далека, от всех далека. На заимке моей ты, в тайге. Тута тока буряты промышляют да я! Так-то! Щас я тебе ишо чё принесу, хлебнёшь, и спать, щас тебе силы надо набираться, а посля нагуторимся. Ты обскажешь мне – чё было, а я тебе – чё будит! Поворотись-ка на бок, я тебя подсушу малость да маслицем спину протру. – Он откинул полость, подхватил Александра Петровича под правый бок и повернул на левый. – Ухватись рукой, тама у щели, у стены и полежи так, а то у тебе вся спина сгорит!

Александр Петрович уже довольно долго лежал на боку, спина была голая, её то грело, то знобило. Мишка пока не шёл.

«...через Байкал меня перевёз, в Читу не отправил... От всех далеко... Это значит, что мы сейчас в глухой тайге... Добрый он мужик, но что-то ему от меня всё же надо! И про золото напомнил!»

Он всё вспомнил, вспомнил, как сопровождал эшелон в три вагона с частью золотого запаса, вспомнил долгие разговоры с солдатами конвоя и с поручиком Сорокиным, вспомнил арест чехами, станционную каталажку, знакомство с Мишкой, Рыбную пристань Иркутска, пулю...

«Пуля! Неужели Мишка её выкинул или обронил, не заметив. Жалко будет! Надо спросить!»

Мишка ввалился в комнату, снова что-то держа в руках, Александр Петрович, лёжа на боку, не разглядел.

– Ну как? Дай-ка!.. – Он провёл шершавыми пальцами по его спине. – Эх, ваше благородие, берёг я тебя, да не уберёг! Не бравая у тебя спина. Полежать бы тебе так с денёк, она бы и подсохла. Я щас маслицем её помажу, а ты постарайся эту ночку поспать вот так на боку или ничком, не укрываясь, тута тепло! А пока оборотись, я тебе дам чего хлебнуть для сна.

Александр Петрович, поддерживаемый Мишкой, лёг на спину – она горела.

– Потерпи, маленько, да вот, глотни. – И он поднёс склянку, наполненную мутноватой жидкостью. – Это травка такая, бурятская. Хлебнёшь, скока сможешь, поверну я тебя, и спи.

– А какой сегодня день?

– Март на дворе, 15-е.

– А время?

– Ночь уже! Спи, Петрович!

Лежать на боку было неудобно, временами он захлёбывался кашлем; настой, которым напоил его Мишка, отдавал горечью; сон то приходил, то уходил, и Александр Петрович будто качался на волнах. Впадая в забытьё, он видел много людей: они на санях и пешком, тяжело и громоздко одетые, в бесформенной обуви непомерных размеров, шли по бесконечному белому

льду зажатой вертикальными скалами реки; её берега поросли серыми, как будто бы каменными, засыпанными снегом деревьями; потом людей сдувало ветром, он бежал, но не мог их догнать, и тогда уже какие-то другие люди гнались за ним и возвращали его в череду бредущих по льду; потом эти люди ехали в вагонах, заставленных обыкновенной гостинной мебелью. Среди их бесконечной вереницы появлялся и исчезал маленький мальчик в чёрных лаковых туфельках, матроске и смешной детской бескозырке, задранной на самый затылок; но он не мог разобрать его лица. Иногда ему казалось, что это он сам, в детстве, а иногда что это его сын. А то он явственно слышал, как за стеной возится Мишка, и он понимал, что это Мишка, потом всё стихало, и он силился перебороть желание повернуться на спину, потому что перевернуться на другой бок сил не было. Под утро он заснул.

– Петрович, а Петрович, просыпайся, день уже, всё счастье своё проспишь.

Александр Петрович с трудом открыл глаза. Рядом, будто бы и не было ночи и сна, в тех же сумерках сидел Мишка. На табурете стояла лохань и лежало чистое полотенце.

Александр Петрович пошевелил руками и даже попробовал приподняться.

– На-ка, вот тебе вода ключевая и убрus, обтерись, а я тебе потوماка спину обтеру, – сказал Мишка и вышел.

Александр Петрович почувствовал в себе силу, и ему захотелось, чтобы в комнате было побольше света.

– Михаил! – попросил он. – Можно полость отдёрнуть?

– А как же, ваше благородие, энто с нашим удовольствием. Свет денной – любой твари родной. Так-то!

Мишка встал, снял с деревянных кольев медвежью шкуру, и в комнате стало немного светлее.

«Ну что ж, хоть так!»

Александр Петрович смочил полотенце, обтёр им лицо, грудь и почувствовал свежесть. Мишка снова зашёл, повернул его на бок и намазал чем-то пахучим спину.

– Шас вашему благородию завтрак будет.

После завтрака, на который Мишка принёс ту же пресную безвкусную жижу, снова захотелось спать, но Мишка сказал:

– Не-е, Лександра Петрович, шас тебе спать негоже, шас я тебе лечить буду. Видать, огневица твоя грудная не вовсе прошла, ты ночью так кашлем заходилсь, я думал – захлебнёсси ненароком. Подставь-ка ладонь! – Мишка из-под лежака вытащил глиняный горшочек, снял с него тряпицу и подковырнул заскорузлым чёрным ногтем полупрозрачный янтарный жир. – Да грудь натри.

От жира исходил удушливый запах, Александр Петрович поморщился, но откинул полость и задрал под подбородок рубаху.

– Не морщись и нос не вороти, энто тебе не пирьмидонт с перьмезантом, энто жир барсучий, по-особому приготовленный, втирай-ка вот!

«Пирьмидонт с перьмезантом» рассмешил Александра Петровича, и он закашлялся.

– Да ты не усмехайся, а то вовсе задохнёшьсь, вон кака кашель тебя бьёт.

Александр Петрович почувствовал, что сил за ночь у него прибавилось.

– Михаил! – спросил он прерывающимся голосом, втирая жирную массу. – Ты говорил, что живёшь в деревне, дочь там у тебя и внучки, что поп ваш к красным убежал... – Александр Петрович оторвал взгляд от груди и посмотрел на Мишку.

– Батюшка! – поправил тот. – Так и правду баешь. – Сидя на табурете, Мишка развёл руками. – Так и есть! И дочка, и внучки...

– А отчего же ты не с ними?

Мишка молчал и поглаживал бороду, когда его ладони доходили до самого низа, он хватывал пальцами конец бороды и слегка дергал её, как бы испытывая, крепко ли она к нему приросла, и смотрел в одну точку. Александр Петрович глядел на него и понимал, что, наверное, сам того не желая, он затронул чувства этого человека, спасшего ему жизнь, но он не просил Мишку его спасти и не просил ни о чём рассказывать. Он потянулся рукою к Мишкиному локтю, тот вздрогнул, огладил колени своими грубыми, как коренья старого дерева, руками и внимательно посмотрел на Александра Петровича.

– Отказало! – коротко сказал он и резко ударил себя по коленям. – Отказало мне общество в сожительстве!

– А что так? – Александру Петровичу захотелось что-то выяснить об этом человеке, во власти которого он оказался, хотя каково это будет – лезть к нему в душу. – Но если тебе неудобно, Михаил, ты не говори, это твоё право.

– Отчего же, ваше благородие! Отчего же! – Он ненадолго задумался. – Травники мы. По всей тайге все травы знаем. Ишо дед мой копал, и сушил, и толок. И всё по добру было! И коренья, и травы, и от зверя чего брали, и желчь, и ишо чего много. Батька научился у деда, тот у бурятов, а я у батьки, потому святой Пантелеймон и есть наш заступник и учитель!

– И так было много лет?

– Много, ваше благородие, много. Я ж говорю, и дед, и батя...

– Так отчего?..

– Отчего да отчего?..

Александру Петровичу показалось, что в глазах Мишки блеснули слёзы.

– Позвали сход и указали, мол, иди на зимовье... и весь сказ...

Александру Петровичу стало интересно.

– Вот прямо так и указали?

– А как ишо? Прямо так и указали!

– А кто был на сходе главный?

Мишка резко поднялся с табурета и в полшага вышел в соседнюю комнату, там он долго гремел, шуршал, что-то с деревянным стуком падало у него на пол, и вдруг он почти крикнул, только крик получился сиплый, сдавленным горлом.

– Батюшка! – Он откашлянул и тихо добавил: – Батюшка сказывал обществу, что рядом со святой церковью не должно быть знахарей, что с чёртом они водятся! – И опять у него что-то загремело.

Как ни болела у Александра Петровича грудь, он опрокинулся лицом в мягкую кулёму, которая лежала у него под головой, и расхохотался: «Вот так дела! Батюшка выгнал лекаря из деревни, а сам подался к красным! Новомодный какой-то батюшка!»

Александр Петрович заставил себя не смеяться и прислушался – Мишка возился за стенкой.

«Слава богу, не услышал!»

– Михаил! – уже успокоившись, вытерев слёзы и отсморкавшись в оставленное хозяином полотенце, позвал он.

– Чё тебе, Петрович?

– А позволь я тебя ещё спрошу?

– Спроси, чё не спросить?

Александру Петровичу показалось, что он услышал в голосе Мишки боль и горечь.

– Михаил, как же так получается? Батюшка тебя выгнал, сам к красным убежал, а что сейчас твоё общество? Не разрешает тебе вернуться? К дочке и внучкам – батюшки-то нет!

– Батюшки нет, а общество опасается!

Мишка сказал это и появился на пороге с дымящейся миской в руках, поставил её на табурет, вышел и вернулся со склянкой и двумя дешёвенькими городскими лафитниками мутного стекла.

– На-к вот, шулю похлебай, тута чисто мясо, вода да соль, ну и корешки каки да травки, как без них! Да и... – Мишка хрипнул в кулак, – за оздоровление твоё!

Он перекрестился на образ, поклонился и зашевелил губами, и Александр Петрович услышал в тишине Мишкин шепот:

– Старотерпиче святыи и целебниче Пантелеймоне, моли милостиваго Бога, да прегрешений оставление подаст душам нашим.

В комнате пахло варёным мясом и душистыми травами.

Александр Петрович перекрестился одновременно с Мишкой, тот покосился на него и сказал:

– А вроде, Петрович, не по-нашему ты крестисся!

Александр Петровичу не хотелось объясняться, он почти перестал чувствовать слабость, тревогу, боль в груди, и только сказал:

– Народы, Михаил, разные, а Бог один, как ни крестись, – и сам удивился тому, что его слова были похожи на речь батюшки из какого-нибудь сельского прихода.

Мишка вздохнул, присел на лежак, подал ложку с парящим бульоном и разлил по лафитникам жидкость оттенка светлой сирени, от которой пахло спиртом.

– Особое снадобье, тоже от бурятов научились – зюбриный зародыш в водке настоящий, много сил даёт.

Александр Петрович с удивлением посмотрел на Мишку.

– Матку бьют, када она брюхатая ходит!

Александр Петрович поднял лафитник на просвет, посмотрел на мутную жидкость и принялся.

– Не нюхай, пей единым духом, да вот медку зачерпни, и я с тобой заодно, покеда пост Великий не начален!

У жидкости был неприятный привкус сырого мяса, мёд быстро его перебил, и в груди стало тепло.

– Свой мёд?

– А чей? Бона весь омшаник бортью забит, под самый охлу-пень. – Мишка собрал всё на табурет и тяжело вздохнул. – Ты спрашиваешь! Да разве б я ушёл, от своих-то? Деревня у нас больно хороша, в сколькй верстах всего-то от Байкала-батюшки, и река, и тайга. Да только общество мне отказало в сожительстве. Потому я здесь и обретаюсь, а дочь и внучки тама остались, чего имя в тайге делать? – Он помолчал. – Я их проведал уже и гостинцев свёз, были очень даже радые. Када снегом тропки не заваливает, наезжаю к ним, кабана привезу али сохатины, снадобий каких, а у них хлебушкой раздобудусь. Так и живём. – Он тоже выпил и зачерпнул мёду. – А ить, Петрович! Мужики-то у нас, даже те, хто с германской повертались, и не белые и не красные... один только ирод нашёлся...

– Батюшка?

– Дак какой он таперя батюшка? Так, прозвание одно. А мужики все при хозяйстве, зверя бьют, рыбу ловят, лес валят, мёд качают, на лужках да на таёжных полянах сено косят, скотина опять же! Сытно живут. Тока работай, горя знать не будишь. Не то что ваши, росейские, голь перекатная...

– Помню, Михаил! Ты мне рассказывал, как у вас егерь гостил. – Александр Петрович сел и попытался спустить вниз ноги.

– Дай подсоблю, тока покуль ходить не пытайся, упадешь ненароком. – Он продолжал: – Живи себе и живи, а тута на тебе, война германская, революция... – Он вздонул. – Чё таперя будит, как жить?

- Получается, что общество совсем с тобой рассталось?
- Не, не рассталось, сюды бегают, када хворь кака приспичит, только тайно. Да как энту тайну сохранишь? Все знают.
- А обратно не зовут!
- Не, не зовут.
- Отчего?
- Мишка подбоченился:
- А хто знает, кака власть придёт? А ежели снова энтог поп...
- Батюшка! – в шутку поправил Александр Петрович.
- Мишка исподлобья посмотрел на него.
- Извини, Михаил!
- ...так я и говорю! А што ежели энтог... батюшка снова в деревню пожалует, да с новой властью в обнимку, об чём тада мужикам кумекать? Поздно будет!
- Мишка взялся руками за табурет, намереваясь вынести его из комнаты.
- А новости откуда узнаёшь? – спросил Александр Петрович.
- Када как! – Он поставил табурет и снова присел. – Када сам до станции доеду, за порохом али ишо за чем, када рыбаки с Ангары да с Иркутска придут али охотники из Верхнеудинска. С тобой вона скока вёрст пробежали, опять новости! – Он тяжело поднялся. – А так что ж? Все жить хотят! Так Христос завещал: всем божьим тварям надобно давать жить!

Глава 10

Прошло около двух недель, как Александр Петрович очнулся и обнаружил себя на Мишкином зимовье. Он понемногу поправлялся и уже сам выходил во двор, окреп; его отпустил кашель, только после тифа глаза видели ещё плохо.

Стоял погожий день, солнце поднималось всё выше и томило снег на покато́й крыше омшаника.

«Вот тебе и Сибирь-матушка! Мороз даже днём, и лёд на Байкале в сажень, а голову...» Александр Петрович почувствовал затылком и лопатками, как припекает через толстый мех шапки и кожуха. Он воткнул в колоду топор, положил рядом оселок, распрямился, снял с руки суконную варегу, заткнул её за пояс и полез под полу кожуха за табаком.

Всё это время, пока он выздоравливал, он думал о том, что оказался в тупике, в глухом медвежьем углу, из которого надо было как-то выбираться, и помочь ему в этом мог только Мишка, зачем-то спасший ему жизнь. Мог и помешать.

– Угостишь, Петрович? – услышал он Мишкин голос.

Александр Петрович усмехнулся.

– Почему же не угостить, – крикнул он в ответ, – табак твой! – Он не спеша достал кисет, встал и медленно пошёл к тыну, отделявшему омшаник от огорода и заимки. Мишка тоже бросил свою работу – новую оглоблю, которую тесал топором, и также не спеша двинулся навстречу.

«Сближаемся, как на дуэли, – невольно подумал Александр Петрович, – только команду слышать «Стреляйте!», и будет как Пушкин и Дантес на Чёрной речке».

Пролетавшая высоко над ними чёрная ворона видела, как с двух сторон навстречу друг другу почти с равного расстояния шли два человека, разделённые чёрной линией тына; они шли медленно, отбрасывая на белый снег синие тени. Для дуэлянтов с Чёрной речки они были одеты необычно: в старые лисьи малахаи, овчинные тулупы и подшитые толстые чёрные валенки; у одного и у другого из-за пояса торчало по варёге.

Мишка подошёл к забору первым.

«Его выстрел, – подумал Адельберг. – И я убит!»

– Чур, моя газетка! – сказал Мишка.

«Ну если это и есть цена выстрела!...»

Мишка только вчера вечером вернулся из Мысовой; по дороге треснула одна оглобля на его санях, и сейчас он тесал новую. Он приехал к ночи, сразу повалился спать, и Александр Петрович не узнал никаких новостей, которые Мишка обычно привозил, он только буркнул, что «всё с утра!».

– Ну вот, Петрович, – сказал Мишка, держа в руке и разглядывая наполовину обтёсанную оглоблю. – Не сердчай, что вчера ничё тебе не сказал, больно уставший был. – Он прислонил её к тыну. – А новость вот кака – видать, хана твоим! Чё дальше делать-то? – то ли сказал, то ли спросил он и обтёр руки о кожух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.